

Тиэл, сын Вотана

Витус Вагнер

январь-март 1995г

Глава I Яна

Сказать, что я познакомился с Яной в Судаке, было бы неправдой. Мы и до этого несколько раз встречались на Играх, а на последней Игре по Земноморью даже имели некую совместную одиссею, которая нашла своё отражение в толкиенистском фольклоре.

Но я не выделял её из массы, и смотрел на неё со своим обычным насмешливо-снисходительным отношением взрослого человека, имеющего уважаемую и неплохо оплачиваемую работу, к недоучившейся студентке, для которой миры фэнтези чуть ли не дороже нашего, по некоторым сведениям лучшего из. . .

Да, стихи она пишет красивые. Но мало ли в тусовке девчонок, которые за красивыми стихами прячут собственную никчёмность. Взять к примеру Глорэс.

Да, во время незабываемого ночного плавания на бревне из Гонта в Драконник она вела себя так, как не всякий бы парень смог на её месте. Но что такое единичный случай героизма на Играх. Со всяким бывает.

А плохого про неё тоже можно услышать немало. Но, опять же, про кого в тусовке не говорят плохо?

В общем, девчонка как девчонка, каких десятки в любом Лориэне или Атуане.

Но встретив в чужом месте сколь угодно дальнего знакомого, принимаешь его с распростёртыми объятьями. А я в тот момент изнывал от одиночества.

Народ на Карадагской школе-семинаре по геостатистике, куда шеф меня упёк на целый месяц, да ещё в августе, в самую жару, подобрался какой-то тяжёлый на подъём.

Им бы все на пляже лежать или вино пить в гостинице, благо дешёвое и неплохое, а чтобы на Карадаг слазить или на могилу Волошина сходить, так жарко. . . лень. . .

Как выяснилось, Яна, отдыхающая в Судаке у родственников, испытывала схожие чувства: о любимой фантастике поговорить не с кем, местным знакомым ходить куда-либо неинтересно, а отдыхающие все нувориши какие-то пошли — тоже не компания.

В общем, пойти вместо пляжа в генуэзскую крепость она согласилась сразу.

А дальше уж моё дело было распушить перед ней хвост на четыре кабельтова и повернуть каждый замшелый камень такой стороной, чтобы выступила кровь, пролитая здесь несколько столетий назад каким-нибудь

венцианцем или янычаром, а то ещё раньше — эллином или скифом. Надо же в конце концов поддерживать свою репутацию великого фортификатора.

Впрочем, состязаться с Яной на «ее территории» было не просто. Историю Судака она знала не хуже меня и пару раз ловила меня на откровенном вымысле.

Время пролетело незаметно, и вскоре мне уже пора было торопиться на последний катер в сторону Коктебеля.

— Яна, а ты в дельфинарии была? — спросил я, когда мы расставались около её калитки.

— Нет. Разве туда попадешь. . . Только экскурсии из санаториев пускают.

— Ладно. Давай я завтра встречаю четырёхчасовой катер.

— А нас пустят?

— А там начальником Вася Полонский. Мы с ним вместе году в 86 браконьеров ловили.

Дельфинарий, конечно, дельфинарием, а вот что она с восторгом примет предложение залезть на Карадаг, я не ожидал.

Со значительно меньшим восторгом к сему предприятию отнёсся Федя Куприянов, старший егерь Карадагского заказника.

— Куда это вас понесло на ночь глядя? На вершину? Тебя-то, Витус, мне не жалко — шею свернёшь — туда тебе и дорога. А вот если твоя дама ногу сломает, эвакуировать её кому придётся? Мне!

— Да уж как-нибудь сам прослежу. Ты, Федя, вспомни кто кого в 90-м из Тетри-Куде вытаскивал?

— По-моему, Нико — нас обоих. Ну да ладно, что я вас, силой задерживать, что ли буду.

— А здесь ты тоже известен под именем Витус? — удивлённо спросила Яна, полагавшая, что это чисто тусовочное прозвище.

— А мы познакомились в Федей в Марткопи, а половина Марткопской экспедиции 90-го года до сих пор уверена, что у меня и в паспорте так написано.

— Да, подлил масла в огонь Федя, — как же, Витус, изобретатель великого градиентного копья и фанат гидрохимии.

— Какого такого копья, — встрепенулась Яна, у которой, как у толкиенистки, реакция на холодное оружие была неадекватной.

— Просто переносная градиентная мачта — лень было психрометр на вытянутой руке держать, — пояснил я, и, тяжело вздохнув, заметил:

— Эх, Федя, было это все когда-то, до того, как я первую писишку

увидел. А теперь заделался сплошным системным программистом, трахаюсь с UNIX-ом и даже вместо Западной Сибири сюда поехал.

— Опять программистские разговоры... — сморщила нос Яна. — Скажите мне, господа учёные, что, ваш Юникс лучше самой красивой девушки?

— Нет, — хором выдохнули мы старую интернетовскую шутку. — UNIX доступнее.

— А ты говорил, что тебе здесь словом перекинуться не с кем — вон какие ребята: Вася, Федя, — говорила Яна, когда мы поднимались на гору.

— Понимаешь, это не совсем то. Целый месяц на одних «А помнишь» не общаешься. А в авантюрах они мне не попутчики — они тут живут, у них работа, семьи. Феде небось уже закат на Карадаге осточертел — он его по долгу службы каждую неделю видит.

Да, естественно, в первую неделю они мне тут все показывали, а потом энтузиазм поостыл. А в работе я им не помощник — я *Pinus sylvestris* от *Larix daurica* с трудом отличаю, а здесь сплошь эндемичные виды.

Закат на Карадаге обалденно красив, и Яна, естественно, стояла, разинув рот, совершенно забыв о своей всегдашней репутации человека бывалого, которого ничем удивить невозможно.

А я, глядя на её, освещённые закатным солнцем, распущенные волосы, думал о том, что в этой девчонке определённо что-то есть, только вряд ли для меня. Я все-таки на восемь лет её старше и, пожалуй, слишком прозаичен для её романтической натуры. Вот и сейчас, вместо того, чтобы любоваться морем и ею, я прокручиваю в голове тропу, по которой нам придётся идти в темноте.

Когда мы благополучно спустились вниз, я сказал:

— Вот только беда, последний катер уже ушёл, а куда тебя деть на ночь, я совершенно не представляю. Знакомых девчонок у меня здесь нет, а если я тебя устрою в своей комнате, вся биостанция поймёт это неправильно.

— А что, на тебе это как-то скажется?

— Нет, просто не люблю, когда мне завидуют без причины.

В конце концов так и пришлось поступить, благо у Яны с её богатым опытом конов и Игр не было никаких комплексов по поводу ночёвки в одной комнате с парнем.

Впрочем, наутро я пожалел об этом — мы проболтали с ней часов до пяти утра. Ей-то что, у неё каникулы, дома отоспится, а мне на семинаре

носом клевать.

Во время нашей следующей встречи она как-то вскользь заметила, что я не предпринимаю никаких попыток к сближению.

— А зачем, — меланхолично ответил я. — У тебя своя жизнь, у меня своя. Как сошлись, так и разойдёмся, и через полгода ты уже про меня забудешь.

— Я друзей не забываю, — возмутилась она.

— Вот именно, друзей. Вот я и не хочу переходить из разряда друзей в разряд случайных ухажёров. . .

Она на некоторое время замолчала, делая вид, что обиделась. Или правда обиделась. Кто ж ихнюю сестру разберёт. . .

Но через пять минут все вроде бы прошло.

— Смотри, какое облако — вылитый верблюд. . .

Её вроде бы вполне устраивало такое положение вещей, когда никто из нас никому в общем-то ничем не обязан. А я, чем дальше, тем больше проникался уважением к ней.

Сейчас, во время почти бесцельных, но в то же время захватывающе интересных блужданий по Крыму, я смог наконец понять, что она не из тех изнеженных городских созданий, которые после трёх дней Игры неделю отлёживаются, каковы многие из играющих девчонок. Скорее, как и для меня, Игра для неё - возможность вывести застоявшийся в городе организм на нормальный режим работы. И поговорить есть о чем, кроме фантастики. В общем я бы взял её не только в команду на Игры, но и в экспедицию.

Не знаю только, что в это время думала обо мне она, потому как, отрекаясь на словах от звания ухажёра, я откровенно вертел перед ней хвостом. Но она, поначалу предпочитавшая слушать мои истории, постепенно становилась все откровеннее и откровеннее и наконец пустила меня в такие тайники своего внутреннего мира, которые не выливались на свет даже в её стихах. А если и выливались, то эти стихи не выходили за пределы её письменного стола.

Она между прочим подглядела, как я писал в своём дневнике последнюю фразу, поскольку я занимался этим на пляже, и спросила:

— Ну и что же ты там увидел?

— Там темно и страшно, — попытался отшутиться я.

— Прибавь ещё, пусто, — с неожиданной серьёзностью ответила она. — Было.

И только за неделю до нашей с тобой встречи здесь, у меня появилось дело, которое эту пустоту может заполнить. Но тебе я ещё ничего про

это не говорила. Хочешь, покажу?

— Конечно.

— Тогда пошли. Это в соседней бухте.

Все время, пока мы перелезали через скалистый мыс, я терялся в догадках. Что такое может быть в соседней бухте? Затонувший античный корабль? Вид, который надо превратить в картину? Но она не археолог и не художник. Отпечатки неизвестного науке зверя на известняке? Но и не палеонтолог тем более. Что же такое она могла обозвать словом «дело»? Причём произнеся его таким тоном, как будто это ни больше ни меньше, чем установление новой религии.

Хотя, насколько я мог понять, всякой мистикой она переболела года два назад.

— Поплыли, — она скинула футболку прямо на камни и бросилась в воду. Я последовал за ней, надев на всякий случай на плавки ремень с охотничьим ножом и кое-чем ещё.

Плавала она лучше меня, и догнать её мне удалось только тогда, когда она подождала меня около большой скалы, о которую разбивалась лёгкая волна.

— Теперь ныряем, и плыви за мной.

Нырнуть пришлось довольно глубоко. На глубине метров четырёх она скользнула в чёрную расселину в скале. Рассеянные в воде лучи солнца довольно хорошо освещали внутренность этой пещеры, и я увидел, что в нескольких метрах впереди потолок резко загибается вверх. Туда-то и направилась Яна. Ещё несколько секунд спустя я стал серьёзно сомневаться, хватит ли мне воздуха на обратный путь. Но тут над головой блеснуло зеркало поверхности. Я пробил его головой и втянул в себя пахнущий известняковой пылью и йодом воздух морской пещеры.

Надо мной поднимался иссечённый трещинами свод, слабо освещённый голубым светом, проникающим через воду.

Яна уже выбиралась на берег с той единственной стороны, где скала не была отвесной.

Поднявшись метров на пять по крутому, изъеденному морем склону, мы очутились на гребне, с которого открылся второй колодец с водой. Но, если тот, из которого мы вылезли, был зеленовато-голубым, то вода во втором испускала янтарно-золотистый свет.

— Не бывает! — завопил я, мысленно прокручивая в голове таблицу Менделеева, чтобы понять, какой элемент может дать такой цвет. Кроме реактива на калий, забыл как называется, ничего в голову не приходило.

Я отстегнул от пояса радиометр. Ничего. Ниже фона. Голубое зеркало

даёт обычны для моря фон, известняк, как и положено, беднее, а если поднести прибор к золотистой воде, на индикаторе вообще появляется знак минус.

И, что забавно, вода в этом колодце стоит ниже уровня моря метра на два.

Подождав, пока я закончу измерения, Яна серьёзно сказала:

— Это ворота в другой мир.

— Ну знаешь... — вырвалось у меня. — Мне пока и в этом неплохо было...

— Боишься?! — в её глазах блеснул вызов. — А ещё полевой исследователь.

— Боюсь, — грустно отозвался я. — Боюсь разочароваться в тебе. Только-только поверил, что ты серьёзный человек, а тут такая уфология начинается.

— Ну это же правда, — чуть не плача прошептала она. — Я-то думала, что ты в состоянии в это поверить, а ты...

— В конце концов, кто не верит, пусть проверит! — Я решительно шагнул в золотистую воду.

— Стой, — она схватила меня за руку. — В новый мир полагается входить нагим.

Я с укоризной посмотрел на неё.

— Правда, — пояснила она. — В первый раз я тоже полезла туда в купальнике. Так он растворился прямо на теле и было очень больно. А главное, обратно пришлось плыть так, а в бухте почему-то было полно народу. А твои железки тебя вообще обожгут.

— Ты же знаешь нас, оборотов — «Без палаша, как без штанов»

— Да не дотащишь ты свой нож, говорю. И в зубах тоже. Снимай, я отвернусь.

— Вот это как раз меня меньше всего волнует, — проворчал я, отстёгивая часы. Только вот как со временем быть? Не проморгаю я катер-то?

— Там объясню. Здесь все равно не поверишь.

Глава II Эдем без змея

Мы нырнули, и вскоре выплыли на открытое пространство. Вода была до безобразия прозрачная. По диску Секки получилось бы, наверное, метров шестьдесят. И казалось, что мы не плывём, а парим над полого поднимающейся песчаной равниной, покрытой ровным ковром морской травы. Что характерно, вода была пресной.

Вынырнув, я обнаружил, что нахожусь не в море и не в бухте, а в небольшом озере, метров двести в диаметре от силы.

Небо надо мной было зеленоватым, цвета Яниных глаз, а вода по-прежнему янтарной. За спиной возвышалась скала, а прямо передо мной лежал пологий берег, поросший лесом, спускающимся к самой воде.

— Ну не верю я в параллельные пространства, — сказал я Яне, плывущей рядом со мной. Но ещё меньше я верю, что ты способна навести такую качественную галлюцинацию.

Она плеснула мне в лицо водой.

— Фома неверующий. Вылезем на берег — не то увидишь.

И я увидел. Даже раньше, чем мы вылезли на берег. Огромную кошку, вышедшую из леса на водопой. На двух людей, стоявших по грудь в воде, она совершенно не реагировала.

Яна на неё, впрочем, тоже. Это я внутренне сжался, пытаюсь понять, что я буду с ней делать даже без охотничьего ножа, и боится ли она воды.

Яна решительно направилась к берегу. Когда глубина была ей уже по пояс, тигр наконец соизволил её заметить. Испутив радостное громоподобное:

— Мрррр!

Он плюхнулся в воду всеми четырьмя лапами.

— Брысь на берег, Тишка, — махнула на него рукой Яна. — Ты мне сухой нужен.

— Вместо полотенца, — пояснила она мне, остолбеневшему при виде беспрекословного повиновения зверя.

И действительно, полотенце из тигра получилось замечательное. Впрочем, он, по-моему тоже получил удовольствие от сеанса «вольной борьбы», который мы с ним устроили на пляже.

— Перестань так напрягаться, — сказала мне Яна несколько минут спустя. — Ты выглядишь сейчас как кот при виде не то мыши, не то собаки.

Она полулежала, облокотившись на полусвернувшегося калачиком Тишку, с сорванным с ближайшего дерева плодом в руке, и являла собой олицетворение полнейшего гедонизма.

— Ты весь сжался в комок, особенно нервы, и не чувствуешь, как этот мир с тобой *разговаривает*. А я, когда первый раз сюда заплывла, вела себя совершенно легкомысленно, и, вылезши из воды улеглась загорать на травке.

Проснувшись, я увидела, что трава залечила ожоги от сгоревшего на

мне купальника, не оставив ни малейших следов, а кроме этого я *знала*, что плоды можно есть, что со зверем можно заговорить и он не тронет, что не нужно искать укрытия от непогоды, и вообще мне здесь рады. Попробуй расслабиться.

Я попробовал. Получилось плохо, я не умею расслабляться в полевых условиях — я или бодрый, или усталый, но не расслабленный. Но и этого хватило, чтобы начать *знать*.

Например, то, что время здесь течёт совершенно независимо от земного, и туда я попаду в тот же момент, как попал сюда, а если я через десять лет или когда ещё захочу вернуться, то вынырну из воды в этом озере через несколько минут после того, как нырнул, возвращаясь в свой мир.

Пытаться понять, что получится, если мы с Яной начнём шастать туда-сюда независимо друг от друга, почему-то не хотелось.

Яна оторвалась от своей пушистой подушки и протянула мне руку:

— Пошли, осмотрим окрестности.

И мы пошли. По мягкому ковру местной травы, местами сменявшемуся ещё более мягким мхом, можно было гулять босиком не опасаясь корней и шишек, а тем более разбитых бутылок. Деревья словно раступались перед нами, протягивая усыпанные плодами ветви и открывая все новые и новые виды: то ручеёк, живописным водопадом струящийся с замшелой глыбы гранита, то широкую, утопающую в лёгкой дымке долину, по которой плавно извивалась вытекающая из Янтарного озера река, рокоча на невидимых порогах, то поляну, заросшую цветами невыразимой красоты.

— Прямо таки рай. И даже не земной, — Тут кто-то словно дёрнул меня за язык. — Только, как сказал бы дон Тамэо, как здесь с женским вопросом?

В ответ на эту неприкрытую пошлость Яна внезапно нагнулась ко мне и жарко поцеловала.

— А ну-ка догони! — она отскочила и бросилась бежать.

Я в шутку погнался за ней, но когда я догнал её и, схватив за плечи, прижал к себе, я внезапно почувствовал жгучее желание. Я попытался было сдержаться, но её тело полыхнуло жаром, а прижавшиеся к моей щеке губы прошептали:

— Ну давай же. . .

Мы упали на мягкую траву.

Позже, когда мы лежали на рядом и смотрели в безоблачное зелёное небо, ощущая тепло друг друга, она вдруг тихо сказала:

— Знаешь, а ведь это тоже он, этот мир. На Земле я ни за что не отдалась бы так. . . И ты бы не вёл себя так. . . Все было бы скучнее и пошлее. . . Если бы вообще было.

Задумчиво грызя травинку я ответил:

— Спасибо ей за это, этой реальности. Одно только мне не нравится — бесплатных пирожных не бывает. И за весёлые развлечения в чужом пространстве-времени придётся платить. Хотел бы я знать — когда и сколько.

— А ты ещё не понял? Это как любовь. Мир отдаёт нам все, что может, ничего не требуя взамен, но я сама готова сделать для него все. Я думаю, и ты тоже. . .

— А что мы можем сделать?

— Так, ничего особенного, — в её глазах мелькнули озорные искорки и она снова стала той ехидной Яной, которую знает вся толкиенисткая тусовка. — Выиграть нечто вроде Войны Кольца.

— А-а-а-п! — я с трудом поймал отвисшую челюсть. — Здрасьте, приехали. Это становится похоже на доморощенную фэнтези — двое толкиенистов попадают в фэнтезийный мир и должны поставить его на уши.

— Не совсем так. . . Во всех описанных случаях командос извне прибывали без приглашения или были приглашены в лучшем случае местным правителем. Нас же позвал сам мир.

— Ну, Нарния, ну и что из этого?

— У нас совершенно другие права и обязанности.

— Интересно, какие же? Особенно обязанности. Права, если и будут неожиданностью, то приятной.

— Всего лишь соблюдать Одиннадцатую Заповедь. Помнишь, у Ланье: «Да не причинишь ты вреда ни Земле, ни ничему живущему на ней». А права — разговаривать с животными, лечить, влиять на погоду. А в остальном — все то же, что и у местных. Плюс наши собственные мозги.

— А руки? В смысле, например, искусства фехтования?

— Ну не знаю. . . Та роль, которую играла здесь я, как-то не способствовала выяснению этого?

— А какая?

— Что-то вроде феи. Ходила, лечила, давала советы. А сейчас нужно другое. Сейчас нужен неукротимый белый человек в джеклондоновском стиле, который встанет во главе всей этой шатии-братии и поведёт её на врага. У меня хватило бы нахальства попробовать изобразить из себя этакую Жанну д'Арк, но у тебя получится лучше. Ты почувствуешь себя

неукротимым?

— Не-а, только не сейчас. Сейчас я чувствую себя большим, пушистым и вполне укрощённым котом, которому хочется, чтобы его чесали за ушами. Ага, вот так. . .

Ладно, попробуем. Только вот не являться же народам этой, не знаю как называется. . .

— Ориганда.

— Народам Ориганды в голом виде. Или по здешним религиозным канонам так принято?

В этот момент я уже *знал*, что так не принято, и вообще получил достаточно обширное представление о здешней географии и этнографии. Мир был именно такой, какой всякий уважающий себя читатель фэнтези представил бы себе на моем месте. Типично феодальный уровень развития, что-то вроде первых каравелл, слава богу, никакой магии и никакой инквизиции, если не считать security в стане Всеобщего Врага.

— Подожди секунду, — Яна поднялась с травы и скрылась за деревьями. Минуту спустя на поляне появилось небесное создание в паутинно-прозрачном белом платье чуть ниже колен, которое не столько скрывало, сколько подчёркивало линии её тела, и, кроме этого, не было украшено практически ничем.

— Замечательно! Феям так и положено одеваться. Только боюсь, в походных условиях не слишком функционально. Я бы на тебя повесил табличку: «Руками не трогать».

— Ах, так! Ну, держись! — она коршуном кинулась на меня, явно вызывая на сопротивление. Я вскочил, схватил её в охапку и попытался немного покрутить. Она, отчаянно барахтаясь, вырвалась, и покатила по траве с воплем:

— Нет, рок-н-ролл ты танцевать не умеешь!

Я подхватил её подмышки, поднял, и стал внимательно осматривать, предполагая, что после такой бури и натиска волшебное платье превратится в мятую тряпку в грязно-зелёных разводах от травы. Но нет, хоть бы одна складочка, хоть бы одно пятнышко.

— Это материал, который на Земле ещё не изобрели, и вряд ли изобретут. Подарок мира человеку, который сам взялся ему помогать. Сделано из паутины, прочное, как стеклоткань, снаружи непромокаемое, а пот свободно пропускает.

— Все равно, «руками не трогать» — снаружи оно холодное и скользкое, как в самом деле стеклоткань.

— А это специально, чтобы всякие разные грязных лап к фее не

тянули.

Не ты конечно, — добавила она, то ли заметив, то ли придумав тень обиды в моих глазах.

И, неуловимым движением выскользнув из платья, нежно прижалась ко мне. Небрежно отброшенное платье, порхая как упавший лист, опустилось на траву.

— Пойдём, ладно, хватит обниматься, — сказала она минуту спустя. Там и для тебя кое-что найдётся.

— Осталось только запастись приличествующим божественному воителю оружием. . . — ни к кому не обращаясь сказал я, разглаживая под ремнем складки туники из того же материала, что и платье.

Тотчас в моем сознании возникла картина выжженной земли, дымящейся серными парами, посыпаемой сверху горячим пеплом, где, в трещинах на склонах вулкана ни с того ни с сего, вопреки всем законам геохимии зреют кристаллы самородного железа с точно дозированным содержанием никеля и молибдена. Их только отковать, подогрев на ближайшем лавовом потоке и опустить в ненормально студёный ключ рядом. Правда, расстояние в пять градусов широты не вдохновляло. Я вызвал в памяти карту и с ужасом подумал, что вулкан всего лишь на полпути до ближайших населённых мест. Но прежде чем перед моим взором всплыла следующая картина, вмешалась Яна:

— Тут всего тридцать километров по реке до Драконьей Горы. Маккефри читал? Вот тут почти то же самое.

Час от часу не легче. Ещё и драконы.

— Правда, я в прошлый раз туда полтора дня добиралась, по берегу. По реке я не рискнула — пороги.

Глава III Драконы по имени Румата и Бригита

Около истока Янтарной реки нас поджидали два предусмотрительно застрявших в камнях бревна. Связав их стеблями чего-то вроде плюща, мы получили неплохой катамаран, и присмотрев в кустах два крепких шеста, я был готов бросить вызов реке.

Весло бы, конечно, было привычнее, особенно двухлопастное, байдарочное. Но пока приходится пользоваться тем, что дают.

Первые несколько километров все шло спокойно. Река сама несла нас с хорошей скоростью, предусмотрительно отталкивая бурлящими водо-

воротами от слишком низко нависших над водой деревьев.

Но затем на русло надвинулись багровые скалы и я понял, что здесь придётся рассчитывать только на собственные силы — слишком жёстко сжата камнем и гравитацией вода, чтобы благоволящая к нам Ориганда могла хоть чем-нибудь помочь безрассудным плотогонам.

В течение часа мы работали шестами изо всей силы, изредка перебрасываясь короткими фразами типа:

— Давай слева!

— Камень по курсу!

— Идём в правый треугольник!

Затем река дала нам передышку. Оторвав глаза от воды, я увидел возвышающуюся над горизонтом Драконью Гору. Типичный потухший вулкан, тысячи полторы, тогда как в окружающих долину хребтах от силы семьсот. Над горой в воздухе кружили разноцветные точки.

— Чего они так волнуются?

— Завтра Рождение. Ты, конечно, выберешь себе бронзового... — мечтательно протянула Яна.

— А ты?

— Ну уж не зелёную! Моя золотая даже наверное соскучиться не успела...

В этот момент за очередным поворотом перед нами разверзлась бездна. Это был уже не порог, это был настоящий водопад.

— Держись! — только и успел прокричать я, пытаюсь последним движением шеста развернуть плот вдоль потока, и стоячая волна у подножья гигантского уступа накрыла нас с головой.

Раз, два, три — после третьего вала мы вырвались в относительно спокойное русло, где нас, конечно, трясло как в взбесившемся трамвае, но хоть не заливало.

И тут по курсу скала. А шест дна ещё не достаёт.

— Приготовься! Шест в скалу и постарайся спихнуть нас вбок. Только смотри, за борт не улети.

Яна откинулась назад почти горизонтально, стараясь удержаться коленями за бревно. Я тут ничего сделать не мог — пихаться с двух концов такого узкого плота — верный оверкиль.

Удалось — в последний момент нос плота все-таки пошёл влево и камень прошёл в считанных сантиметрах от нас.

— Уф! Руки об этот дурацкий шест обожгла.

— Держись. Немного осталось. Внимание — следующая ступень!

Следующая была меньше и проще. И вот, уже кажется, что подножье горы совсем рядом. Но русло снова стиснуто камнями, и при очередной попытке оттолкнуться шест в руках Яны хрустнул как спичка, и она, не удержавшись, полетела в воду.

Я машинально выровнял плот — опять стоячие валы, нельзя же отвлекаться от управления, но тут сообразил, что никакого груза на плоту нет, и ничего меня к этим брёвнам не привязывает. Я вскочил, и только собрался прыгнуть за ней (Дохлый номер. В этакой круговерти размажет по камням и меня и её), как кто-то оказался проворнее — с неба упала золотая молния, и вот уже белое платье не мелькает среди бурунов, а висит, как на вешалке в когтистых лапах под огромными крыльями.

Когда я пришвартовал плот к галечной косе у подножья горы, Яна уже встречала меня на ней. Над её плечом высилась покрытая золотой чешуей голова, раздвоенный язык которой беспрестанно обегал жёсткие губы, а умные глаза смотрели на меня с укоризной, и, казалось, говорили: «Ну что же ты? Взялся везти, а сам уронил. Хорошо, я под рукой оказалась. Неумехи вы, люди».

С волос Яны ручьями стекала вода, но в глазах блестели озорные искорки. Было видно, что она даже испугаться толком не успела.

— Ну что, капитан? Положен мне наряд вне очереди за самовольную отлучку с борта или простишь?

— Смотри, — погрозил я пальцем, — В следующей раз получишь по голове речной скалой раньше, чем драконьей лапой.

— Да, кстати о лапе, Витус, это Бригита, Бригита, это Витус. Бригита, дай лапу.

Бригита посмотрела на Яну с ласковой усмешкой, мол, ну и выдумщики вы, люди, и покорно протянула мне похожую на куриную лапу, каждый коготь на которой был больше моего охотничьего ножа.

— Сейчас мы заберёмся в Бригитино логово, и передохнем чуток, обушимся. А потом выбирай себе лошадку и полетим за ножами.

— А я думал, надо Рождения ждать.

— Ишь чего захотел. А у нас есть время два года его воспитывать. И вообще, в системе Запечатления у Маккефри есть что-то насильственное, причём в пользу человека. Здесь союз человека с драконом — действительно союз. Кстати, здесь драконы меняют цвет с возрастом, так что среди только родившихся бронзового тебе не найти. Так что придётся тебе договариваться со взрослым. Я думаю, хоть один, да согласится. Правда, Бригита? Дракониха скосила розовый глаз мою сторону. «Пусть только попробуют не...» читалось в её взгляде.

— Ну что, садимся?
— А кормить нас будут? Или с собой что прихватить?
— Опять небось сырого мяса притащишь? — обратилась Яна к своей подруге.

«А как же», — облизнулась та.

— А может дровами запастись? Бригита, ты как к огню относишься?
— Нормально относится, только вот изрыгать не умеет. Как и все остальные, впрочем. Ну не вяжется это с физиологией, как ни крути. Так что не знаю, чем ты будешь костёр разжигать.

— Попробуем, — сказал я, нагибаясь за блеснувшей искоркой пирита. «Таинственный остров» все читали.

Насчёт пирита я обознался. Ориганда подсунула мне какой-то редкоземельный сплав типа того, что идёт на кремни для зажигалок. Я уже готов был обидеться. Ну нельзя же *так* опекать. Того и гляди, наша миссия из героической превратится в комическую.

«Не торопись, мелькнуло в моем мозгу. Вы пока еще дети в этом мире, почти голые и безоружные. Вот поднаберетесь опыта и снаряжения. Да и когда дело будет касаться живых существ, я почти ничем не смогу вам помочь».

Вскоре на площадке перед входом в обиталище Бригиты весело пылал костёр, на котором жарились куски оленины, заставляя облизываться даже Бригиту, только что умявшую половину туши.

Внутри она меня с огнём решительно не пустила, намекнув, что у неё нет никакого желания пачкать золотую шкуру о копать.

Когда мы пообедали и окончательно обошли, Яна сказала:

— Пошли, на яйца посмотрим. Отвезёшь, Бригита?

Дракониха недовольно проворчала что-то, что должно было означать: «После сытного обеда, да отрывать желтое пузико от теплого песочка. Да ну вас к яйцедам! Лезьте сами, коли охота».

Охота у нас была и мы полезли. Я полагаю, на Перне Вейры были устроены несколько поудобнее. Местные драконы совершенно не рассчитывали своё гнездовье на пребывание кого-нибудь бескрылого. Хотя мы могли быть уверены, что если камень под ногой может удержаться, он удержится на месте, мне было страшновато смотреть, как Яна беззаботно, как горная козочка, прыгает по усыпанному валунами склону.

Когда мы вошли в пещеру, свернувшаяся на яйцах дракониха недовольно сверкнула в нашу сторону глазами, но, узнав Яну, грациозно изогнула в нашу сторону шею, мол, почешу. Потом она с гордостью продемонстрировала нам яйца, попутно ещё раз облизав каждое сухим

раздвоенным язычком.

Такое впечатление, будто Яна оживлённо толковала с ней о каких-то драконьих делах на языке взглядов и жестов.

Неужели и я спустя какое-то время буду ощущать такую же близость к этим существам? Интересно, каким парнем окажется мой будущий бронзовый?

Когда мы вернулись в пещеру Бригиты, солнце уже касалось вершин горного кряжа на другой стороне долины, отбрасывая длинные тени до половины высоты Драконьей Горы. Бригита при нашем появлении высунула голову из под крыла, и ласково посмотрела на нас, что должно было означать: «А, явились не запылились. Ну, идите под теплое крылышко, соснем еще минуток шестьсот».

— А может, Бригита, ты мне дракона присмотришь? — Сказал я. — Все-таки это тебе ему спину в бою прикрывать. . .

Бригита быстрым движением высунула голову из пещеры и призывно свистнула. Можно было бы сказать «зашипела», но язык не поворачивается применить это неблагозвучно-змеиное слово к столь грациозному существу.

В ответ на её призыв с неба штопором свинтился дракон, описал изящную полубочку прямо перед входом и чётко приземлился на три точки.

— Сивка-Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой, — прокомментировал я его посадку.

Он лукаво подмигнул мне, мол слов не понял, но юмор ценю.

В этом взгляде было именно то, что я сам готов был предложить ему — мы не будем с тобой лизаться, как Яна с Бригитой, и подшутить друг над другом не упустим случая, но ежели чего, можешь на меня положиться.

Я похлопал его по шее:

— Думаю, парень, мы с тобой сработаемся. Только как же тебя назвать? М-м-м. . . Румата устроит? Он кивнул. Потом выставил вперёд лапу и опустил шею, мол, летаем?

— Смотри, — сказал я. — Потом мы что-нибудь придумаю, а пока я летаю охлюпкой, не сбрось меня при высшем пилотаже.

Он хмыкнул про себя. Знай, мол, держись, а там посмотрим.

В воздухе он вёл себя замечательно. Очень скоро между нами установилось полное взаимопонимание и я мог лёгким движением колена направить его куда хочу. Тогда я показал ему что такое противозенитный маневр и ещё пара приёмов из практики земной авиации. Не все у него

получилось с первого раза, но он не успокоился, пока все не отработал. А когда, несколько запыхавшись, приземлился перед пещерой Бригиты, он повернул ко мне голову и посмотрел с нескрываемым уважением, мол, я-то думал, что знаю о полете все, а оказывается, ты, бескрылое создание, можешь меня кое-чему научить.

— Флетчер Линд тебе имя, а не Румата — сказал я. — Только негоже дракону чаечье имя носить.

А сам подумал: «Где же ты удивишь меня, обормот золотоглазый? В ориентировании? В геохимии? В парусном деле? Ведь знаю же, в долгу не останешься.»

— Ну что? — обратился я ко всем собравшимся. — Спать пора. Ты как, Румата, в своё логово направишься? Неохота мне с тобой расставаться, но Яна, сам понимаешь.

«Да ладно уж, — заворчала Бригита. — Подвинусь, пушу дурака бронзового. Все равно нам этой теплой компанией путешествовать».

Румата посмотрел на меня ехидным золотистым глазом:

«Знаю, знаю перед кем ты выделялся, когда заставлял меня ужом в воздухе вертеться. Эта, в белом платье, на карнизе стояла. И как только ты с меня не свалился, на нее засмотревшись».

Яна тем временем скинула своё платье и сказала:

— Пошли купаться.

— Мало мы сегодня накупались, особенно ты.

— Эх ты! — девушка и два дракона посмотрели на меня с одинаковой укоризной.

— Не знаешь ты Драконьего Источника, — пояснила Яна. — Местное поверье (человеческое, не драконье) гласит, что у человека, который год в нем купался каждый день, шкура будет крепкая, как у дракона. Нам с тобой это, правда, не светит — отсюда до Армеласа почти день лету, так что базироваться здесь не получится.

Я тоже скинул одежду и опять взобрался на шею Румате. Яна было протянула мне руку, но тут из пещеры с вквотаньем полезла Бригита:

«Как это, купаться и без меня?»

Драконы, они большие сибариты и где попало селиться не станут. Сера ли, радон ли, что ещё, только выбравшись из этой воды я ощутил себя заново родившимся. А драконы, так те просто млели. Не каждому из них выпадает такая возможность — подставить шкуру под человеческие руки.

— Единственно, чего здесь не хватает, — заметил я, надраивая шею Руматы, — так это регулировки температуры, как у нас в Родниковом.

Протянуть бы сюда пожарный шланг из вон того холодного ручья, чтобы можно было смешивать в нужной пропорции.

Яна с трудом подавила смешок.

— Можно подумать, ты уже собрался здесь Вейр устраивать. Это пока что обиталище диких зверей.

— Кстати, как здесь это зверье, — я похлопал Румату по шее, соотносится с добром и злом. В наших мифах и фэнтези драконы либо однозначно злые, либо делятся пополам, как в *Dragon Lance*, либо ручные.

— Живут они здесь. Вот живут в лесу медведи, в море дельфины, а на горе — драконы. Звери как звери, хищники, местные жители их панически боятся.

Румата вмешался в разговор. Не знаю как, но мы прекрасно его понимали:

«Странные они какие-то, эти люди. Олени и то умнее. Они прекрасно видят, когда дракон охотится, а когда просто покувыркаться в воздухе полетел. А люди либо сразу в нору лезут, либо за арбалет хватаются.

С тигрятами я играл, с медвежатами играл, и мамыши ничего против не имели. А к человеку сунешься — он либо бежать, либо железку острую достает.

Даже когда по реке рыба идет — уж тогда вообще все звери братья, а человек все такой же нудный.

Вы двое, вот совсем не такие».

— А ты, Яна, говоришь, здесь Вейр устроить проблема. Да к ним только подойди с открытым сердцем, сразу лизаться начнут. Ага, именно так.

— Где ж ты здесь людей найдёшь, чтобы к дракону и с открытым сердцем. С Земли импортировать — и то, по всей России хорошо если сотню наберёшь.

— А что, по-твоему, на Перне Поиск не был сложной задачей. А авиация нам ох как пригодится.

«Это местные-то, и летать — усомнился Румата. — Да они и на земле меня боятся, а подними их в воздух — совсем сдохнут. Рассказывают, правда, был во времена прадедушки моего дедушки один человек, который подружился с драконом, так его свои боялись больше чем нас.

А вообще с людьми дружить — себе дороже. Они сразу на шею сесть норвят».

Я брызнул ему водой в глаза.

— Ну да, я вот например.

Он беззлобно куснул меня за плечо.

«Ты — другое дело. Я большой, вот я тебя и ношу. А будет у тебя соболь — сам его на шее носить будешь».

А на этих посмотри — собаку на цепь сажают, лошадь кнутом бьют, охотничьего сокола — и того взаперти держат.

Вы лучше к нашим вожакам и даже и не подкатывайтесь с идеей насчет местных. Съесть не съедят, а рычать будут сильно».

Глава IV Рог дохлого единорога

Рассвет следующего дня застал нас уже в воздухе. Вернее не он нас, а мы его встретили, поднявшись над Драконьей горой, ещё укрытой глубокой ночной тенью. Яна рассчитывала эту ночь провести уже в Армеласе. Я, правда, сомневался. Хотелось использовать подарок Ориганды, ожидающий нас у подножья вулкана, на все сто процентов, а сколько на это потребуется времени мне, почти незнакомому с кузнечным делом, я представлял с трудом.

От этих мрачноватых мыслей меня отвлекло что-то белое, блеснувшее на скалах внизу.

— Что это, — спросил я Румату.

— А, это гора Дохлого Единорога. Он тут года два назад сверзился со скалы, спасаясь от волков, да так до сих пор и торчит. Кожа да кости остались.

— А что ж его никто не съел?

— Мясо-то вороны растащили. А так — кому он нужен?

— А драконы?

— Да что мы, росомахи что ли — единорога есть? Его и волки то только с голодухи травят, потому как вообще-то это дохлый номер — умный сильно. А падаль — пусть вороны едят. Мы, драконы, признаем только то, что сами добыли.

— А как насчёт того, чтобы спуститься и оторвать ему рог?

— А зачем?

— Ты наверняка видел, что люди из рога делают.

— Из единорожьего-то? Да если кому из них попадёт в лапы кусочек, то он его в блестящий металл оправит и на шею вешает — думает помогает от глупости.

— Ну, из оленьего, к примеру. Ты думаешь, зачем я рога вчерашнего Бригитинового оленя с собой тащу?

— Чтобы мне аэродинамику нарушать... Держись!..

— Неужели ты без пары мёртвых петель и сесть не можешь? — ворчал я на него, вырубая из сухого черепа витой рог.

— А зачем? Ты тут надо мной издеваешься, заставляешь садиться куда попало, а я тебя вниз головой прокатить не могу?

Закончил? Поехали. А то Бригита мне проходу не даст, что я её и в обычном-то полете догнать не могу, не то что в брачном.

Солнце уже приближалось к зениту, когда мы зашли на посадку в усыпанной свежим пеплом и вулканическими бомбами долине.

— Вы с Руматой тут развивайтесь, а мы за хребет слетаем, — сказала Яна, выгребая из поясной сумки все, что могло пригодиться мне, типа небольшого кинжальчика с серебряной рукояткой. — Дела кое-какие есть.

— А какие, если не секрет?

— Секрет. Там мой банкир живёт, — ехидно усмехнулась она. — Сберкасса «Сделай сам».

— Что-то больно молодые горы для больших россыпей, — усомнился я. — А из кварца голыми руками много не наковыряешь.

— А мне большие и не нужны. И вообще, у меня там кое-что припрятано.

Они вернулись только на закате солнца. Я как раз закончил возиться с железками.

Я с гордостью продемонстрировал Яне плоды своих трудов:

— Этот палаш тебе. Обрати внимание, рукоятка из рога Дохлого Единорога.

— Это что, намёк?

— Ну уж не на твою неприступность, моя золотая всадница. И вообще, совершенно не обязательно держать его на коленях. А вот обедая в подозрительных заведениях, не грех и коснуться кушанья рукояткой. Держи ещё этот кинжал. Для любых целей кроме кулуарных убийств и маникюра он намного удобнее твоего. Как я с ним намучался, пока делал рукоятку первого ножа.

— А что бы ты, интересно, делал без него? Не ты делал, не тебе и хаять. Мне его, между прочим, сама княгиня Древянская подарила.

— А этот я подарил. Будут теперь два — один для маникюра, второй колбасу резать. А себе я сделал вот это, — Я продемонстрировал двуручный меч, доходивший Яне до подбородка. — Я назову его Магический Кристалл, поскольку он выкован из кристалла, выросшего здесь совершенно сверхъестественным образом.

— А не великоват?

— Ну ты же знаешь, на Играх я все время двуручником работаю, побольше этого, и ничего.

Я убрал меч в ременную петлю на поясе.

— Ходить не мешает?

— Да мы привычные. А в ближайшем поселении надо будет заказать для него приличные ножны.

Кстати, рассказала бы мне, что тут за народ, и как мне представляться. Только, пожалуйста, пошли сначала выкупаемся. Румата тут такой источник нашёл, не хуже драконьего.

При этих моих словах Бригита издала радостный рёв и погналась за Руматой, явно желая выказать ему свою благодарность. Почему-то он всячески стремился увернуться от этого. Они очень забавным образом, словно дерущиеся петухи, пробежали больше сотни метров, и успокоились, только плюхнувшись в горячую минеральную воду.

— Значит, слушай, — сказала Яна, когда мы присоединились к ним. Народ здесь чем-то напоминает Киевскую Русь, до Крещения. Кстати, князя зовут Владимиром, но за отсутствием Византии, у него идеи крестить население пока не возникало. Я тут подумала, что в местном пантеоне для тебя есть замечательный персонаж — Тиэл. Он считается покровителем лесов и зверей, занимается тем, что прищучивает всяких нарушителей лесного порядка. Известен тем, что замечательно стреляет из лука и катается на лыжах. Такое милое, повседневное божество, которое встречается с людьми не только по случаю Армагеддона, но и так, потому что в лесу скучно стало.

— Значит сержантом над лешими.

— Скорее лейтенантом. Тиэл все-таки сын Вотана Одноглазого, верховного божества. Но самое замечательное, что он приходится мужем Аоре, имя которой я уже нахально присвоила.

А Аора это так, мелкая фея на побегушках у Вриги, твоей, так сказать мамыши и богини домашнего очага. Кстати, тебе эти имена ничего не напоминают? А если я назову ещё несколько:

Дир, Кимдаль, Ягир? Дошло теперь? А общее название почти то же самое — Арсы.

— А кто же тогда Тиэл? Единственное, на кого похоже имя, так это на Тиальфи, но тот во-первых, вообще человек, а во-вторых, таких обязанностей не имел?

— Ну все-таки это не Земля и не точная копия. Почему бы им и не поменять местами Тиальфи и Ульра?

Ну ладно, хватит здесь расслабляться, уже темнеет. Вы с Руматой,

как в состоянии провести ночь в воздухе?

— Мы то что, — сказал я, покосившись на Румату, который чуть заметнo кивнул. — Как Бригита?

— Тогда на старт!

Солнце уже скрылось за горами, когда мы наконец поднялись в воздух, хотя на высоте нам было подарено ещё несколько минут золотистого вечернего света. А на посадку мы пошли уже после того как утренняя заря послала нам свой розовый привет.

— Запомни, — прокричала мне Яна. — Твоё имя Тиэл, а моё — Аора.

Армелас с воздуха показался мне совсем крошечным поселением — видел я геологоразведочные посёлки и побольше, но по здешним масштабам это был довольно крупный город — этакий форпост цивилизации на границы девственных лесов. Типа какого-нибудь Сольвычегодска.

Он не был самостоятельным, не принадлежал и какой-нибудь торговой империи типа Строгановых — такие здесь просто не успели появиться. Управлял здесь воевода древлянского князя, хотя местное вече имело довольно большую силу.

А экономически, пожалуй, Армелас заткнул бы за пояс и саму столицу. Здесь была сосредоточена торговля пушниной, солеварение, не из маленьких была и оружейная слобода.

Как и положено торговому городу, времени здесь даром не теряли, и в столь ранний час на речном берегу, куда мы спланировали, уже хватало народу.

Вокруг нас собралась небольшая толпа — в основном суровые немногословные мужики — полукупцы-полупираты-полупервооткрыватели.

В их сдержанный приветствиях чувствовалось:

— Ну пришли. Значит, боги надёжные ребята, на них можно положиться. А мы уж думали, придётся с Империей Архипелага самим разбираться.

На колени никто падать не собирался, и у меня от этого на душе стало легче.

Вокруг Яны ситуация была несколько другой. Её окружили женщины с коромыслами и вальками и наперебой что-то тараторили. Оно и понятно — у каждой матери семейства есть свои горести и проблемы, и каждой хочется спросить совета у феи Аоры, раз уж драконьи крылья занесли её сюда.

А по Яниному виду и не скажешь сейчас, что этой фее Аоре полгода назад восемнадцать исполнилось, и в душе она куда больше восторженная девчонка, чем дочери, а то и внучки этих почтенных матрон.

Глава V Ратша и Всеслав

Внезапно я почувствовал спиной чей-то упорный вопросительный взгляд. Я обернулся. Передо мной стоял мальчишка лет двенадцати, ясные глаза которого горели таким яростным любопытством, что было ясно — не обернись я, он бы не постеснялся дёрнуть меня за полу туники.

— Дяденька Тиэл, а можно твоего дракона погладить?

— Румата, тут тобой интересуются.

Драконья голова метнулась со скоростью атакующей кобры и застыла в нескольких сантиметрах перед его лицом.

Парнишка побледнел на мгновение, но не отшатнулся, а потом несмело протянул руку. Румата покорно подставил шею.

Любопытство надо поощрять. Я заметил, что вокруг Руматы и Бригитты образовалось пустое пространство метров пять. Даже в присутствии посланцев богов люди не могли преодолеть инстинктивного страха.

— Сейчас я его мыть буду. Поможешь?

— Ага.

— Как тебя зовут? — спросил я его, когда он с наслаждением надравивал спину Руматы.

— Ратша.

— А почему ты подошёл ко мне, а не к Аоре?

— А там тётки. И драконша у неё сердитая, как курица на яйцах. Они бы не пустили, сказали — иди домой, маленький ещё. А полетать можно?

— А ты не боишься, что он тебя сбросит?

— Нет, он у тебя добрый, только озорной.

— Ну что, Румата, покатаем?

— Покатаем, только ты оставайся на земле.

Парнишка нашего разговора, естественно не слышал.

— А тебя родители не заругают?

— Ну с твоего же разрешения. . .

— Ты, значит, кататься будешь, а мне перед твоей мамой отвечать, по какому праву мои драконы детей таскают?

— Нет у меня мамы. . . — внезапно погрустнел Ратша. — Умерла. Я в людях живу, у дядьки Всеслава. Он добрый, только ему вечно не до меня. . . А так почти-что ремеслу выучил. А тётка Забава гоняет меня все время.

— А кто он?

— Оружейники мы! — с гордостью произнёс он, выпрямившись и выпятив грудь.

Тем временем Румата, сияя чисто вымытой шкурой выбрался на берег и яростно отряхнулся сбрасывая холодную речную воду.

— Ну что, полетишь?

— А правда можно? — с последним сомнением в голосе спросил Ратша. Не дожидаясь ответа, он уже карабкался по подставленной драконьей лапе.

Когда, минут через десять Румата вновь опустился на траву, Ратша прямо весь светился от счастья:

— Здорово! Лучше, чем на масленичных качелях!

«А ты что думал», — было написано в довольных глазах дракона.

Из толпы женщин, окружавших Яну, выбралась полная матрона лет сорока, в фартуке и с коромыслом, и решительно протянула руку к Ратшину уху.

— Ты, сорванец, где пропадаешь! Ужо уши-то пооткручиваю. Отец небось в кузнице заждался, а он чего выдумал — по небу летать.

Я положил руку парнишке на плечо, прикрывая его от яростного натиска, и только собрался возразить ей, как Румата осторожно протянул голову к ней сзади и, сорвав с её головы платок, широким движением подбросил его в воздух.

— От скотина озорна, — запричитала тётка Забава, гонясь за убегающим предметом туалета. — Опростоволосил-то при всем народе. . .

— Пошли, Ратша, — сказал я. — Познакомишь меня со своим дядей.

— А я, пожалуй подожду вас на крыше вон того амбара, — добавил Румата. — Мне что-то не хочется сводить близкое знакомство с её коромыслом.

Ратша в этот момент уже прекрасно понимал его, и не без его участия фраза «она из тех баб, что дракона коромыслом гоняют» вскоре стала довольно популярным заглазным комплиментом.

Мы поднялись квартала два по улице, сбежавшей прямо к пристани и вскоре остановились перед воротами довольно богатого дома-пятистенка. Из дверей приземистой кузницы, стоящей во дворе, уже вырывались клубы дыма. «Бригита ни за что бы туда не полезла», — подумал я.

На звук наших шагов из кузницы выглянул коренастый моложавый мужчина в кожаном фартуке с окладистой русой бородой.

— Где тебя черти носили, сорванец, — беззлобно проворчал он. — Мехи качать пора. О, да ты никак покушника привёл!

— Тиэл, — как бы мимоходом представился я. В его глазах что-то мелькнуло, но он тут же постарался это загнать внутрь.

— Ну, меня, наверное, Ратша уже представил, — с несколько нарочитой значительностью в голосе сказал он.

— О, да Вы, похоже в наших услугах уже не нуждаетесь, — заметил Всеслав минутой позже, с профессиональным интересом разглядывая Магический Кристалл, висевший у меня на боку на простой ременной петле.

— Хотите посмотреть, мастер Всеслав, — я протянул ему рукоятку.

— Центровка чуть близковато, рукоять грубовато сделана, но металл, металл. . . — кузнец с восторгом провёл ногтем по лезвию. — А не великоват? — он смерил меня взглядом. — Нет, на девять вершков в самый раз под две руки.

— Я бы заказал к нему хорошие ножны, может быть немного переделать рукоятку, да и лезвие я вчера в спешке недополировал.

— Так он только вчера откован? И кто же такой металл сварил? Я вроде всех мастеров в округе знаю — никому такое не под силу. А карлики не стали бы отдавать работу без ножен.

— Такой металл вам ещё лет триста не варить. Его и земля рождает раз в миллион лет по специальному заказу.

— Ах даже так! Ну, видно, бедность мне не грозит. Большие дела, чую, твориться будут, коли такой зачин вышел.

Ну, пошли Ратша, поможем, чем горазды, гостю.

Да, гостюшко, от кваску не откажитесь?

Склонившись в кузнице с точильным камнем над моим клинком, он ещё раз похвалил закалку.

— Да уж, старался — ответил я, потягивая квас из огромной деревянной кружки. — Не профессионал, конечно, но вроде получилось.

— Да уж знаю. Охотник ты, бают, да лесов хранитель. Однако ж чего ты сам-то ковал, ведь есть у вас в Ветрограде кузнецы, получше наших, да и карлики у вас всегда под рукой.

— Да уж вышло так. . . — Я положительно не знал, как объяснить ситуацию, не разрушая его религиозных представлений, тех самых, на которых мы с Яной предполагали сыграть. Но он сам пришёл мне на помощь:

— Ну, не мне, мужику, видать, в ваши высокие дела соваться. И то верно, свой клинок и не подведёт вернее. А что, бают, правда чтоль в Архипелаге бесы завелись, что не только на нас, древлян, но и на вас, Арсов ополчились?

— Правда, мастер.

Большого желания вести беседу с ним на политические темы у меня не было. Слишком новичок я в Ориганде, чтобы отвечать на вопросы. Мне бы болтуна — находку для шпиона, а Всеслав был человек цепкий и на слова скупой. На моё счастье Ратша все время силился нас перебить и, стоило только дать ему пас на выход, как он всецело завладел вниманием дяди.

Работа в руках Всеслава спорилась, как мне и не снилось. Не прошло и часа, как он вручил мне клинок и сказал:

— Ну, гостюшко, готово. За ножнами заутрева зайди, бо это дело неторопливое. Пробовать будешь? Правда моей работы тут всего ничего, но все ж обычай.

— Почему бы и не попробовать. Есть у вас старая подкова?

Ратша моментально нырнул куда-то в угол и через секунду уже протягивал мне руку:

— Держи, Тиэл.

— Так уж сразу и подкова, — насупился кузнец. — Оно конечно, металл и нерукотворной, однако железо завсегда железо зубрит.

— Посмотрим. Положи, Ратша, на порог.

В короткий удар я, конечно, вложил всю свою силу, но получилось эффектно.

— Теперь платок.

Резкий взмах вверх и два куска льняной ткани опускаются на землю.

— Обратил внимание, мастер, что заточка с двух сторон разная?

— Сила. . . А ты в бою не перепутаешь лезвия?

— Не знаю. . . — Честно признался я.

Всеслав принял из моих рук клинок и внимательно осмотрел его.

— Да, эту сторону ты бы сбил о подкову основательно. А здесь — прям зубило.

Честно говоря, я был далёк от мысли, что я автор этого изобретения. Так вышло случайно. Но все случайности здесь, во всяком случае на север от Армеласа, невидимо направляла Ориганда, а уж ей, видимо, хотелось получше экипировать своих волонтёров.

— Сколько я должен?

— Да бог с тобой, гостюшко, — кузнец упорно избегал упоминания моего имени. — Любой кузнец сам заплатит, только бы такой клинок в руках подержать.

— Да, ещё, отпустишь Ратшу мне в оруженосцы?

— Да как не отпустить. Не отпустишь — сам сбежит. Жалко, конечно, из него бы мастер вышел, да видно судьба у него другая. Видел я, какие глаза у него были, ажно угли, когда он про твоего дракона рассказывал.

Счас подберём ему кой-чего по росту. Ты только на ночь отпусти его, надо ж парню суму дорожную собрать.

Всеслав вытащил откуда-то охапку клинков, снял со стены несколько перевязей и стал подбирать Ратше боевое снаряжение. Я отошёл к скамье у двери, и, чтобы не мешать, занялся дотачиванием охотничьего ножа.

— Опа, — раздался голос на пороге. — В дом такие гости пожаловали, а они тута — мечи мерят! Всеслав, пошли его дров нарубить, печку топить надоть.

Меня она не видела за створкой двери.

— Ты парнишку не замай, жона, — вступился за моего новоиспечённого оруженосца кузнец. — Не на нашей он боле службе. Ты лучше Борису кликну, а потом в кузню его. Работы теперь поболе будет.

— От те на, уже и запродал мальчика-то. А то хочь спросил бы, какие гости-то.

— Да Аора небось, кто ж ещё. Как ей не быть-то, коль муженёк ейный у меня уж полдня сидит.

— От те на, и ведь одними разговорами кормишь, супостат. А дракона евоного, часом, не к Буренке в стойло поставил?

— Да не бойся ты, тётка Забава, — вступил в разговор я. — Румата на пристани, на амбаре сидит.

— От ты не боисься его оставлять-то? Оно понятно, увесь-то не уведут. Дак ведь скотина-то озорна. . . Ох озорна. . .

Забава покачала головой, явно вспоминая утреннее приключение с платком.

— Ну пошли, Тиэл Вотаныч, в горницу что-ли, а то ужо как нищего в грязной кузне держим.

— Не мешай жона, у нас тута мужские разговоры. — пресёк её хлопоты кузнец.

Однако немного спустя, когда из дома потянуло запахом горячих щей, мы все трое как-то независимо друг от друга решили отложить свои дела и воздать должное кулинарному искусству Забавы.

Правда, прежде чем посадить нас за стол, она поволокла Ратшу куда-то наверх, и я смог улучшить минутку и перекинуться словом с Яной, пока Всеслав отмывал копоть с рук под большим деревянным рукомойником.

— Ну что слышно? — спросил я. — Тебе, я чувствую, агентство ОБС полный политический доклад представило, пока я тут об оружии трепал-

ся.

— Да ну их, — тряхнула волосами она. — На неделю нельзя оставить, сразу бардак начинается. Остромысл Кулижский отложиться от Древлянии хочет, поморы в ополчение не идут, говорят, мы де ни с кем не ссорились, нам де свобода торговли дороже.

— Ох, покажет им Имперский флот свободу торговли, да, боюсь, поздно будет.

— А тут ещё в самом Древлеграде какие-то интриги. Похоже, назревает дворцовый переворот, и я подозреваю, кто за него платит. . . В общем, завтра с утра лететь нам в столицу ни свет ни заря.

— Ладно, — сказал я, заметив, что Забава с Ратшей уже спускаются. Политикой займёмся после обеда.

После обеда Яна достала достаточно качественную карту Древлянии и стала вводить меня в курс местной политики.

— Больше всего мне не нравится вот это место, — сказала она. — От столицы до сюда полчаса на лошади, а это вотчина Святополка Боромировича, родственника Кулижского князя и первого собутыльника претендента — Горисвета Младшего. В столице сколько-нибудь значительных мятежных сил быть не может, а здесь им самое место концентрироваться.

— А может, слетать туда вечером и проверить?

— Понимаешь, мне здесь до вечера не разгрестись с народом. А ещё с наместником поговорить надо. Хорошо, если утром смогу улететь.

— А я тебе и не предлагаю. Мы с Ратшей прекрасно управимся. А к утру я за тобой вернусь.

— Пять часов лета — дракона загоняешь.

— Ну, с Руматой мы как-нибудь разберёмся. Он сегодня прекрасно выпится на солнышке.

— А ты? Одну ночь уже не спал, теперь вторую. С дракона свалишься.

— А я, между прочим, могу последовать его примеру. Со мной народ почему-то не горит желанием общаться. Вон хозяин даже по имени старается не называть. Кстати, почему?

— Ну ты же хранитель лесов. А здесь край лесной, каждый охотник и каждый перед тобой в чем-то провинился — кто олениху с телёнком подстрелил, кто борть разорил не в сезон, кто не то дерево срубил. Вот они не то, чтобы глаза прячут, но по имени стараются не называть. Думают, не назовут, так и не вспомнишь о своих обязанностях. . .

— Витушка, — неожиданно пожаловалась она. — Знаешь, как я уже устала. . . И не расслабиться уже ни на секунду. Разве что к Бригите под крыло заползти и уснуть — авось не найдут.

— Лучше к Румате — у него уже репутация, что он «скотина озорна». Даже если и найдут — не тронут.

— Знаю... Вы с Руматой... — она сидела тесно прижавшись ко мне. — Но не могу... Я слишком им всем нужна.

— Начинаются приключения мессии, который мессией быть не хотел.

— Ага, они самые... — грустно улыбнулась она.

— Госпожа Аора! — раздался голос из дверей.

— Ну вот и все. Передышка кончилась! Пойду делать дела. Отдохни обязательно перед вылетом.

Глава VI Драконоборец Путята

Вечером мы вылетели втроём. Первое время Ратша отчаянно вертелся из стороны в сторону, пока Румата не сделал ему замечание:

— Будешь так елозить, понесу в зубах. А то ты мне спину натрёшь.

В район столицы мы прилетели около полуночи, уговорили Румату подождать в кустах, а сами пошли по Кулижский дороге. Не успели мы пройти и сотни метров, как из-за поворота выехал конный отряд человек в десять.

— Стой, кто такие?

— А вы кто такие? И кто вам дал право останавливать путников на княжеской дороге?

— Сегодня княжеская, а завтра Горисветова, — пробурчал себе под нос предводитель, и, обращаясь ко мне сказал:

— Мы люди Святополка Боромировича, а вы чьи? Кто ваш господин.

Что двое пеших путников на дороге могут быть явлением самодостаточным, без господ, в голове этого холопа явно не укладывалось.

— Уарсы мои господа, — не знаю зачем, процитировал Клайва Льюиса я, добавив про себя (не буду перечислять тех миров, где учился я брани, все равно не поймёте, и я конечно не Пендрагон, но дракон — вон в тех кустах)

— А имя мне — Тиэл, сын Вотана.

— Врёт, — резюмировал предводитель. — Факел сюда.

Но факел не понадобился. Из-за облаков выглянула луна, и в её лучах мой плащ вспыхнул голубовато-белым светом, а лезвие любовно отполированного Всеславом Магического Кристалла загорелось чистым серебром.

Между всадниками прокатилась волна осторожного шушуканья. Я вытащил меч и шагнул им навстречу.

— Почему вы ещё не на коленях? Или вы думаете, что я не помню, в чем повинны перед матерью Оригандой ты? Ты? И лично ты?

В этот момент Румата, решив, что назревает драка и без него это дело никак не обойдётся, выбрался на дорогу, и, потягиваясь, поднялся на задние лапы, расправив крылья навстречу лучам луны.

Всадников как ветром сдуло.

— Ну что ты наделал, болван ты мой бронзовый, — проворчал я. — Теперь у них всю жизнь будет оправдание, что лошади понесли, испугавшись дракона.

И добавил серьёзнее:

— И не вздумай больше так потягиваться. Если бы они не были такими трусами, ты бы сейчас было очень похож на ежа.

Румата только виновато фыркнул.

Через час, когда мы внимательно осмотрели Святополкову усадьбу, и возвращались к месту, где мы оставили Румату, на дороге появился солидных габаритов мужик на неосёдланной серой кобыле, босиком, сверкая голыми коленями при лунном свете, но в кольчуге и шишаке.

— Тут, говорят, дракона где-то видели.

— А ты кто, собственно такой?

— Да Путята я, ратник княжеский. Дракона, спрашиваю, не видел.

— Очень приятно, Тиэл.

Он с подозрением осмотрел меня, но видимо остался доволен результатами осмотра.

— Да ты не дёргайся, — продолжал я. — Слезай с коня, огонь разложим, сбитню заварим.

— Дракон под стенами столицы, а ты — «не дергайся».

— Забудь ты про дракона. Не получится у тебя этой ночью богатырский подвиг.

— Наврали, окаянные... — с облегчением вздохнул Путята.

— Ну, наврать не наврали, а только прежде чем доберёшься до дракона, тебе придётся иметь дело со мной, поскольку дракон этот — мой личный боевой конь.

— Вот обормоты Святополковы! С постели подняли, дракон, говорят. А что от собственных грехов убегали про то молчок.

— Ты бы, Путята, что ли слез с лошади и рассказал мне по порядку все, а то я, понимаешь, в своих лесах тоже не все знаю, а тут говорят, седлай, мол дракона и лети в столицу, там Горисвет со Святополком князя резать собрались.

— Князя?! — Путята дёрнул за уздечку, чуть не подняв лошадь на дыбы. — Так мне живым ходом обратно надо! Их же в город пустили!

— Подожди, успокойся. Они до утра явно не в состоянии никого резать.

— Что верно, то верно, да пожалуй и дольше, — Путята слез с лошади и подошёл к костру, который Ратша уже успел развести. — Они сразу в кабак рванули, глаза свои бесстыжие заливать.

— А кто сегодня на страже?

— На воротах-то? Юнцы зелёные из Олеговой сотни. — Путята все не мог успокоиться. — Понимаешь, прискакали Святополковы холопы, а эти, не разобравшись, в крепость их пустили, слава богу, мечи отобрали — Святополковых-то с мечами в город пусти, так они напьются и друг друга порежут. А сами ко мне — Путята, мол, спасай, дракон. С постели вытащили, а надоть вам. . .

— Да нет, в княжьих палатах.

— А, там ребята надёжные — Светозар с Аскольдом.

— А ты что, в Древлеграде присяжным драконборцем числишься.

— Да где там, просто случай был один, в Черноводовке, ну эту деревню ты знать должен — от Армеласа верст двадцать.

Повадился один мелкий дракончик, розового цвета, не крупнее хорошего орла, по деревне шкودить. И смех и грех — кур у баб из щей таскал.

Ну я шуганул его из самострела. Я тогда у наместника служил, с диких людей мягкую рухлядь собирал.

Да-а. . . А с этим мне бы пожалуй туго пришлось. Он с уважением посмотрел на Румату, который выбрался из кустов и вслушивался в его бессвязные речи.

— Ну ладно, Путята, мы полетели пожалуй. Судя по всему завтра утром все будет спокойно. А к обеду мы с Аорой в город поjalуем при полном параде.

— Ну ладно, я тоже поехал. Пожалуй, кое-кому из дружины шепну-таки словечко.

— Смотри, про меня с Аорой ничего не говори.

— Ты что — могила.

— Тиэл, а может отпустишь меня с Путятой в город? — перебил нас Ратша. — Пока вы с Аорой прилетите, я тут все разузнаю?

— А что я Всеславу скажу? Куда тебя дел? — в шутку возразил я, прекрасно понимая, что от Ратши толку будет куда больше, чем от простоватого Путяты.

Когда я на рассвете подлетал к Армеласу, Яна уже на пристани навьючивала перемётные сумы на Бригиту. Румата зашёл на посадку без своей обычной бочки и опустился рядом с ними.

— А где Ратша? — С ходу спросила Яна.

— Остался в Древлераде.

— Нельзя тебе ребёнка доверить. . .

— От ребёнка слышу. Он всего на пять лет тебя младше, и способен проследить за собой и всеми остальными не хуже нас с тобой.

— Проследить-то он проследит, а кто же его ночью в город пустит?

— Ну уж это я ему обеспечил. Ну что, старт?

— А твой дракон выдержит ещё один перелёт?

— Дракон-то выдержит, — отозвался Румата. — Но будет голодный, как . . . — он замялся. — как вот она перед брачным полётом.

В этих человеческих поселениях никогда не знаешь, на кого можно охотиться, а на кого нет.

Глава VII Княжий двор.

Мы приземлились непосредственно на княжем дворе. Сразу же поднялась суматоха, забегала челядь, вокруг Аоры опять собралась толпа, державшаяся, впрочем, на расстоянии, так как спешиваться Яна не торопилась. Внезапно из терема выбежала красивая стройная женщина с ничем не закрытыми белокурыми косами и бросилась к Яне, прямо на спину Бригите. Последнюю, впрочем, это нисколько не возмутило.

Я слез с Руматы и сделал шаг по направлению к ним.

После того, как первая буря восторга утихла, они соизволили обратить внимание на меня.

— Тиэл, это княгиня Людмила. Люда, это Тиэл. Унесите Тиэла,- представила нас друг другу Яна в своей обычной ехидной манере.

В этот момент кто-то дёрнул меня за край туники. Поскольку я стоял, почти прислонившись к боку Руматы, это мог быть только Ратша. Я заметил, что Румата опустил крыло, явно желая скрыть от глаз княгини то, что происходило у него под брюхом, и тоже решил не привлекать внимания. Я нагнулся, сделав вид, что поправляю упряжь.

Действительно, вместе с Ратшей под дракона залезла девочка примерно его лет, светлая коса коса которой не оставляла сомнений в том, чья это дочь.

— Знакомься, Тиэл, это Лада.

— Княжна Лада, ты хотел сказать.

— О, это мелочи, — с необычайным достоинством произнесла девочка и тут же вновь превратилась в любопытного ребёнка — смотрите, что у нас есть!

Она протянула мне маленький пакетик из пергамента с красным порошком внутри. Хм, на вкус я бы это пробовать не стал. . .

— Где взяли?

— На дворцовой кухне. Там его ещё много. Сегодня утром старуха принесла, Злата-ведунья кличут.

Румата посмотрел на меня усталыми, умоляющими глазами.

— Ладно, Ратша, подробный доклад позже. Надо драконов покормить и пристроить. К кому обратиться?

— Вон, — показала Лада. — Дядя Сом идёт. Он главный конюшник. Я подошёл к нему.

— Нам нужны два стойла для драконов, лучше отдельно от лошадей, чтобы не пугать, и . . . Румата, тебе барана хватит?

— Лучше телёнка.

— Хорошего телёнка им на корм.

— Разделанного?

— Лучше живого. Сами справятся. Да, ещё бочку тёплой воды и хорошую губку.

Порядок на княжьем дворе был образцовый. Все устроилось в мгновение ока.

Тем временем Людмила поволокла Яну куда-то внутрь, а я поставил драконов в стойло, и начал слушать своих маленьких разведчиков.

— Вскоре, как ты улети, наши давешние ратники напились и стали буяннить, — докладывал Ратша. — Путята велел их в яму посадить, так что они под замком, Ещё раньше, один его друг, Альван, сел пить с ними и все выпросил. В Святополковой вотчине стоит сотня конных, а сам Святополк в городе, при нем всего человек пять, все оружные. У Горисвета на подворье народу с полсотни, но воев мало, больше челядь. Но самое главное, Злату-ведунью Святополк подослал. Я сам её проследил от места их беседы до дворца. А на кухне она долго-долго с поваром толковала. Ладу я на кухне встретил, сначала за поварёнка принял.

Девочка покраснела.

— Я только тогда догадался, когда она на княгиню показала и попросила, чтобы Румата крыло опустил, чтобы «мама не увидела».

— Значит, отравление.

— Сегодня большой пир будет, — добавила Лада. — папа Святополка с Горисветом позвал, не мог не позвать. Они видно и хотят, чтоб сразу

на пиру. . .

— Задача. Пир срывать явно нельзя, а князя защитить надо. Лучше бы всего их с поличным поймать, но как? . . .

— А рог Дохлого Единорога, — предложил Ратша.

— А думаешь, сработает?

— А ты проверь. Мы кусочек отравы ведь принесли.

— Хм. . . — Я полез в поясную сумку, где лежали обрезки единорожьего рога.

Брошенная на кусочек рога крупинка яда действительно распространила вокруг себя ярко-красное пятно, как только я капнул на неё водой.

— Концентрация слишком большая, — сказал я себе. — надо развести. Я зачерпнул ковш воды и высыпал туда пол-пакетика.

— А потом этим ковшом меня мыть — возмутился Румата.

— Ничего, на речку слетаешь, не сломаешься.

В такой концентрации тоже действовало. Потребовалось штук шесть последовательных разбавлений, чтобы рог перестал окрашиваться.

— Ну, значит против этого яда действует.

Я быстро написал записку и отдал её Ладе.

— Эту записку надо отдать Аоре. Она сейчас у твоей мамы. Давай, бегом.

Мы все вместе вышли из конюшни и наткнулись на Путяту в сопровождении ещё одного высокого и стройного ратника.

— Вот ты где, егоза! — Путята схватил Ладу за плечо. — Мамкиняньки с ног сбились, её искамши, а она около драконов вертится.

— Ладно, Путята, отпусти ребёнка. Княжна сама разберётся, куда идти. А ратникам, боюсь, сегодня другие заботы будут, кроме как малышей нянчить. Познакомил бы, кстати, с товарищем.

— Олег, сотник молодой дружины, — с лёгкой застенчивостью представился тот. — А ты, значит, Тиэл.

— Обрати внимание, Олег, — сказал Путята. — вокруг Аоры бабы всегда косяком, вокруг Тиэла — детвора. Когда ж у нас мужиков, свой заступник появится.

— Браконьерить меньше надо, — пошутил я. — И не будете Тиэла бояться.

Ну так вот, ребята. Сегодня на пиру будут пытаться отравить князя.

Задача номер один — что бы не случилось, Святополковы люди ни о чем знать не должны.

— Ну, это просто, — сказал Путята. — Олег с утра на ворота Борисов десяток поставил. Если надо, до конца пира мышь из города не выскочит.

— Задача вторая:

Вы сами-то на пиру будете?

— Олег будет, а я чином не вышел. Да и мёда на меня князь не напасётся, — усмехнулся Путята.

— Да, кстати, на пиры вы тут с оружием ходите?

— Кинжал берём, мясо резать, а меч снимаем. — ответил Олег. У нас варягов по другому заведено, а у древлян такие порядки.

— Значит, смотри, чтобы Святополковы и Горисветовы люди под плащом чего не пронесли.

А тебе, Путята, задача. Если что вдруг что начнётся, у верных князю людей должно моментально образоваться превосходство в силах.

— Я со Жданом поговорю, — Олег понял меня с полуслова. — Чтобы пару бочек мёда в соседнюю палату для вас выкатил.

— Если все будет тихо, за мёд расплачиваюсь я. — добавил я. — А то вы, небось, на жалованье.

— Что верно, то верно, — вздохнул Путята. — На справу боевую едва хватает, где уж тут мёды пить.

Тут к Ратше подбежал какой-то мальчишка из челяди и стал с ним о чем-то оживлённо шептаться.

Ну и разветвленная же у парня агентурная сеть, подумал я, но все оказалось проще. Просто княгиня послала за мной, чтобы представить меня князю, а посольный не решался прервать беседу ратников.

— Ну ладно, — Олег на прощанье пожал мне руку. — Встретимся на пиру.

Князь принял нас с Яной в чем-то вроде рабочего кабинета — в небольшой светёлке, где за его креслом стояла конторка, за которой с пером наготове ждал писец, у окна сидела за пальцами Людмила, тут же крутилась и Лада.

Ратша тоже пролез на аудиенцию с нами и теперь они с Ладой оживлённо шушукались под боком у княгини.

— В беспокойное время вы прибыли, гости дорогие, — сказал князь после официальных приветствий. — Рад бы я с вами поговорить спокойно по душам, да дела не дают. Не знаю я, где сейчас чёрная измена гнездо вьёт. И этот пир. По обычаю должен я позвать всех именитых людей. С каким бы удовольствием я бы кое-кого из них вместо этого в яму посадил, но за каждым — земли, люди.

— Есть хорошая поговорка, — сказала Яна. — Кто предупреждён, тот вооружён. И если ожидаешь ножа в спину, надень под плащ кольчугу. А если знаешь, что на пиру тебя хотят отравить, положи в кубок кусок

рога единорога.

— Ну, ножа в спину я не боюсь — верных людей вокруг меня хватает. Да и отравы, пожалуй, в своём тереме опасаться не стоит. А вот придти на пир в кольчугах и принести мечи под плащами, я им помешать не смогу. Обидятся именитые люди, коли княжьи ратники обыскивать их станут. И велеть своим людям оружными придти я тоже не могу, поелику это против обычая.

— Послушай, Тиэл, — затеребил меня за пояс Ратша. — А приведи Румату на пир.

— Вот мой оруженосец предлагает привести в пиршественную залу дракона. Одного его вида, пожалуй, хватит, чтобы у твоих врагов пропала охота нападать. И придраться не к чему. Где это в былинах сказано, что нельзя дракону за одним столом с витязями мёды пить.

— Вряд ли гости будут довольны таким пиром, — усомнилась Яна. — Получится старая притча о ягнёнке, которые не толстел и не худел, потому что его кормили вволю, а каждый вечер показывали волчонка.

— Это замечательно, Волько — подняла голову от шитья Людмила. — Если Гориславу после каждой чаши показывать дракона, то, пожалуй, он уйдёт с пира своими ногами.

— Пожалуй, это будет слишком жестокая шутка, — вздохнул князь. — В Андогском детинце, может и могут себе такое позволить, но не на моем дворе.

Но, во всяком случае, будем готовы ко всему. . .

Глава VIII Кровавый пир.

Зала была освещена лучами вечернего летнего солнца, играющими в узорчатых стеклянных витражах. Предусмотрительно развешанные по стенам факелы пока не горели.

Князь с княгиней сидели за одним из концов длинного стола. Я сидел по левую руку от княгини, а Яна — по правую руку от князя. Горисвет, как второй по именитости, со своими приспешниками занимал второй конец стола, рядом с входом.

— Не нравится мне это, — ворчал сидевший рядом со мной Олег. — Слишком уж звенели люди Святополка и Горисвета, входя в зал. А с кулижцами их тут почти половина.

Начиналось все тихо и мирно. Было сказано много красивых и дипломатичных слов, подкреплённых изрядными порциями мёда, хотя вряд

ли кто из присутствующих мог поверить в искренность Остромысла Кулижского, пьющего за нерушимость границ Древлянии или Горисвета, желающего долгих лет князю. Потом тосты мало-помалу прекратились, в то время как буйное веселье стало понемногу разгораться. Уже первые любители горячительного отправились отсыпаться под стол, а все вроде ещё тихо.

Олег, как и я, сидел, весь напрягшись надо одной и той же непочатой чашей мёда, всеми силами стараясь не выделяться.

— Обрати внимание, — заметил он мне как бы вскользь. — Как мало пьют кулижцы.

— Человек, — завопил он, размахивая рукой. — Ещё чашу.

— Тиэл, пошли её от своего имени Остромыслу. Он охотник известный, тебе отказать не посмеет.

Надо отдать ему должное, изображать хмельное веселье у него замечательно получалось.

Но вот в дверях появился слуга с очередной чашей. Рог единорога мне был совершенно ни к чему, чтобы понять — вот оно.

Святополк подозвал его к себе, принял у него чашу, встал и сказал:

— Княже, чествую тебя этой чашею. Прими от холопов своих в знак почтения, — после чего сделал вид, что пригубил и вручил её обратно слуге.

Расчет был точный. После такого чествования опустить рукоятку яниного кинжала в чашу — повод для драки. Но Яна не растерялась. Когда слуга поставил чашу перед князем, она потянулась мимо неё за куском мяса, и, как бы невзначай, уронила кинжал. Князь, делая вид, будто ничего не произошло, мол даже Арсам не возбраняется напиваться на княжеском пиру до потери координации, двумя пальцами извлёк его из чаши за кончик лезвия.

Потом решительно поднялся, и голос его перекрыл шум пьяного веселья:

— Так вот значит, как любят меня мои холопы! — сказал он, демонстрируя всем собравшимся окрасившуюся в ярко-красный цвет витую рукоятку.

— Измена! — завопил Святополк, хватаясь за живот.

— Вор кричит «держите вора» — шепнул мне Олег и вдруг внезапно кинулся на стол, лицом в сторону Горисвета.

Раздался звон разбитого стекла и сдавленный стон. Гости несколько секунд удивлённо крутили головами, не понимая что происходит: в витраже дырка, Олег, стиснув зубы, вытаскивает из плеча Горисветов

кинжал, от которого он заслони́л князя, а Горисвет откинулся на спинку кресла с арбалетной стрелой во лбу.

Потом весь нижний конец стола разом поднялся, сбрасывая плащи, скрывающие кольчуги и обнажая припрятанные мечи.

В этот момент что-то ткнулось мне в колени. Я опустил руку и ощутил рукоять Магического Кристалла. Ну, живём. Теперь я с ними на равных. Пусть я без кольчуги, зато и их буду как голых резать. Я вспрыгнул на стол и описал пару кругов клинком над головой (вдруг они никогда не видели грузового вертолётa):

— Ну, кто здесь главный браконьер, кто Тиэла не боится?

Они кинулись на меня всей кучей с обоих концов стола. Эх, жалко, Олег ранен, с таким плечом к плечу я бы всего кулижского войска не побоялся.

На той стороне стола в боевую стойку встали Яна и Аскольд, тоже с неизвестно откуда взявшимися мечами. За моей спиной Олег поднимал здоровой рукой лёгкий одноручник. Спрыгну я, пожалуй, к нему. На той стороне из двое, а там все же кулижцы, которые меньше расположены драться.

— Ну, кто первый?

Вчерашний Святополковский десятник атаковал меня в весьма правильной стойке.

— Ну, посмотрим, каков ты без дракона!

— Держись, старый браконьер!

Ага, отступаешь! Я уже продвинулся вперёд метра на три, и тут с другой стороны стола кто-то достал меня длинным мечом по плащу. Получи и ты тоже. Интересно, сколько хитов мне как Арсу положено? Хотя в реальном бою по плащу не считается.

Вся эта катавасия продолжалось наверное секунд тридцать.

Потом что-то неуловимо изменилось.

— Остановись, берсерк! — Олег схватил меня за плечо. — Битва окончена. Я чуть было не заехал ему эфесом по зубам, но вовремя опомнился. Ему сегодня и так больше всех досталось. А я, увлёкшись ближайшими противниками и не заметил, как люди Путяты все-таки оторвались от своего мёда и повязали всех кого следовало.

А кто же все-таки стрелял в Горисвета? Хоть убей не знаю в этой зале ни одного арбалета. А она на втором этаже. Значит. . .

Я подошёл к креслу бывшего претендента. Действительно, стрела моя, цельнометаллическая. Помнится, Всеслав очень удивился, когда я ему такие заказал. Значит стрелял Ратша — кого же ещё Румата на спи-

ну пустит, и кто же ещё может воспользоваться моим арбалетом. А я то думал, это он нас из-под стола мечами снабжал. Ага, вот оно что — Людмила вытащила дочку из-под стола и старательно шлёпает.

— Может не стоит, — попыталась остановить её Яна.

— Смотри, весь сарафан в пыли извозила. Надо же отряхнуть.

Ох, надеру же я уши Ратше. Без этой его инициативы, глядишь и без драки обошлось бы. А так — четыре трупа, двоим пьяным по лицу сапогом прошлись и Аскольду щеку зацепили. Олег не в счёт — он был ранен до этого.

— Весёлые у тебя пиры, княже, — сказал Остромысл Кулижский, вытирая с кинжала кровь собственного телохранителя. — Вот уж чего не ожидал, сюда едучи, так того, что придётся за тебя против своих же холопов сражаться.

— А ты почаще с ним хлеб преламывай, — сверкнул глазами Святополк, прижатый к стене двумя дюжими ратниками.

— Да уж не с тобой, племянничек. Я как погляжу, ты отравленного вина пригубил, а оно тебе только храбрости прибавило — кольчуга вон порублена вся.

Действительно, Святополк в пылу боя угодил под кончик Магического Кристалла, и кольчуга его была аккуратно рассечена наискосок.

— Может допьёшь, а, — Остромысл схватил княжескую чашу и шагнул было к племяннику, но его остановил князь,

— Остромысле, не хватит ли на сегодня трупов?

— Ты, княже, вечно волка в овчарне поселить хочешь. Коли уж дело начато, закончить надобно. Ты и с Императором небось разговоры разговаривать будешь. А надо бы вот так, — Остромысл отставил чашу и резко рубанул ладонью по воздуху.

— Князь прав, — вмешался я. — Прежде чем ядом поить, спросил бы у него, чем он твоим ратникам заплатил.

— А пока, княже, уйдем из этой залы, а то спину надует, — сказала Яна.

— Да, — добавил Олег. — продолжить можно и в соседнем покое, если Пуята со товарищи нам что-нибудь оставили.

— Ох, надо бы правёж устроить, — вздохнул князь, устраиваясь около бочки. — да выведать — кто ратников сюда поставил, без моего ведома, да кто им мёд выкатил, да заплачено ли за него. . .

— Выпьем лучше, княже, — сказал я. — за тех твоих подданных, которые блюдут твои интересы даже вопреки твоей воле.

А с тобой, князь Кулижский, я поговорить хочу. Налей-ка себе мёду и пошли сядем на ту лавку.

Глава IX Остромысл Кулижский

— Как получилось так, — начал я разговор с Кулижцем. — что слышал я про тебя, что отложиться от Древлянии хочешь, а на деле ты князю первый защитник. Да ещё и в миролюбии упрекаешь. Другой бы на его месте не за стол сажал, а в поле против тебя вышел.

— Да, счастье моё в том, что не верит наш князь наветам, которые тебя, Тиэл, в заблужденье ввели. Да, я собираю в Кулиге войска. Но разве появился бы здесь ты, если бы можно было держать рати распущенными по домам? Если бы я отложился от князя в какое другое время, может быть бы я и смог стать независимым владыкой, но сейчас это приведёт только к тому, что мы оба окажемся под Императором. Это Веснодей Андожский таких вещей не понимает, а я-то вижу. И если бы Святополк с Горисветом наветы на меня не навели, никто бы меня за врага и не держал. Но княжье терпение по-моему паче нужного. Что бы я на его месте делал?

Горисвета — наместником в Армелас. Охотники народ вольный и не лежковерный, уж язык бы ему змеиный и пообкорнали. Харольда оттуда — в Орешек : он мужик дельный, да и варяг — с поморами легче общий язык найдёт. Поморов — на княжью службу, каждую десятую лодью по меньшей мере. Поднатужиться и заплатить им, чтобы не ныли. Меня с моими людьми, раз уж он веры мне не даёт — тоже в Орешек, к Харольду под начало. Да и Святополка заодно. Чтобы в случае чего на лоды посадить и первой волной на Архипелаг.

А он что делает?

С Горисветом разговоры разговаривал, пока тот при всем народе ножом в него не кинул, с поморами разговоры разговаривает, Харольда на ясаке маринует, меня ни привечает, ни преследует, в Орешке Потапа воводой держит. Потап, конечно человек верный, но не мужик, а тряпка. Разве ж такой с поморами управится. А Андога? Кулига в конце концов на закат от его столицы. А ежели Андога изменит, то путь на Орешек и Поморье будет перерезан. Через Северные Волоки не наплаваешься. А Веснодей, заметь, даже на пир не приехал. В самый бы раз прийти к нему под стены, стругах этак, на полусотне, да и спросить по хорошему, поданный ты мне или нет. А ведь тоже наверняка разговоры разговаривать будет, гонцов туда сюда гонять, пока Андога не отложится совсем или

пока её Имперская Армия не обложит. Тогда-то Веснодей сам помощи запросит, а боюсь поздно будет.

— А ты князю все это говорил?

— Говорил, ещё до того, как на меня наговаривать начали. Выслушал, головой покивал и говорит, мол Империя далеко, глядишь напасть не соберётся, так что Андога погодит пока. А Горисвета, мол, в Армелас никак нельзя, бо казну меховую в свою мощну положит, тако Харольд там надёжнее. А в Орешке и Потап справится потому как поморы помирнее армеласской вольницы будут.

— Ну с Поморьем действительно надо что-то делать. Может сговорим князя нас с тобой туда послать? А вместо Харольда Олега возьмём, тоже парень дельный.

— А князя на кого оставишь? Я чаю, Святополк с Горисветом не единые, кто кровушки его жаждет. А Семигор старик уже. Не на толстого же Путятю стражу дворцовую оставлять.

— По-моему, после разгрома главного заговора с охраной князя и Лада справится. Ты думаешь, кто наш конец стола мечами снабжал.

— Гораздо интереснее, кто в Горисвета стрелял. Видно, что через окно, а зала-то от земли далече.

— Ну это как раз просто. Вот допьём, пойду обоим задам как следует — оруженосцу моему и дракону.

— Так он стрелял с дракона?.. Интересно. . . А ежели скажем сотни две драконьей конницы набрать? Тогда не только в палатах, но и в поле супротивнику туго придётся.

— У меня тоже такая мысль была, но пока что из всей Древлянии драконы одного Ратшу к себе подпускают. Ну ещё Ладу. Но её Людмила не пустит.

А драконы вообще народ своевольный, хуже поморов. Поморам хоть заплатить можно, как ты говоришь, а дракон либо тебе друг, либо нет.

— А я думал, вы их как лошадей обьезжаете.

— Скорее, как дружину набираем. Я уже хорошее испытание придумал для желающих на драконе полетать — пойти в лес без оружия ночью и привести живого единорога.

Остромысл расхохотался и хлопнул меня по плечу:

— Этак ты одних дев в армию наберёшь!

— Ты не смейся. Вот представь себе: пришёл ты в лес с мешочком соли, высыпал её та тропе, отходишь в сторону и ждёшь. Приходят олени, лижут соль, а ты стоишь и ждёшь. Они тебе не нужны. За оленями приходит и единорог. Ты выходишь к нему и говоришь: «Пошли со мной,

зверь лесной. Тиэл хочет тебя видеть» Что, не пойдёт по-твоему.

— Не знаю. . . А если медведь придёт вместо единорога?

— А ты когда на медведя с рогатиной ходил, он сразу на рожон лез? Наверное тебе его разозлить сначала приходилось.

— Да уж верно. . .

— Значит, если медведь придёт, стой и жди. Он тебе тоже не нужен.

— Нет, я пожалуй не смогу. Уж если не взять зверя, так хоть шугануть. А стоять и ждать — руки чесотка съест.

— Вот потому-то и не летать тебе на драконе, что ты на зверя только как на добычу смотришь. Почему люди говорят, что единорог только к девам выходит? Ну, во-первых он никогда не выйдет к тому, кому в лесу страшно. Это волк не прочь испуганного попугая, а единорогу просто неинтересно. Он выйдет к тому, кто в лесу каждому цветочку радуется и в ком зла нет. Парень в лес пойдёт, так он хоть и в пять лет, уже себя охотником считает, вот единорог к нему и не пойдёт. А дева, не всякая конечно, идёт по лесу смотрит вокруг и думает, какая красота кругом. Почему бы к ней и не выйти, не покрасоваться?

— А что ж к бабам не выходит?

— А у бабы есть время на цветочки любоваться и птичек слушать? У неё муж, дети. Ей грибов или трав набрать, да и домой скорее.

— Странные ты вещи говоришь, Тиэл. Хотя, впрочем кому, как не тебе их говорить. . .

— А ты слушай. Потому что если древляне таких речей слушать не будут, какая разница между ними и имперцами?

Почему мы с Аорой к вам пришли? Да потому что вы для этой земли родные — плохие, хорошие, но свои, этой землёй вскормлены и худобедно, но к голосу её прислушиваетесь, обычаи соблюдаете. А они — совсем чужие. В лешего они не верят, русалкам венков не бросают, домовому каши не ставят. Ну, в меня им поверить придётся, — усмехнулся я. — А так, сам понимаешь, что будет, если они здесь свою веру насаждать начнут.

— Подумать крепко надо. . .

— Вот и думай. А пока знаешь что — дело есть. Надо съездить в вотчину Святополка, объявить его людям, что он изменник, и тебе забрать их под свою руку.

— Толку в этих людях. . . Если он моих-то растлил, то с этой пьянью возиться. . .

— Пьянь, не пьянь, а люди. И кому как не тебе твёрдой рукой с ними справляться. А что касается твоих. . . Ты ведь сам ему позволил. Ты взял

этих людей к себе в дружину и решил, что они такие же как ты — с одним словом на все времена.

Ты считал их верность самой по себе разумеющейся. А на людей когда-никогда внимание обращать надо. Если ты человека в дружину взял, то у тебя голова должна болеть, чтобы он здоров был, чтобы в достатке, чтобы на сердце чёрной думы не держал. А если ленится, так и требовать с него сколько положено. А ты им платил и думал, что все остальное приложится, — изложил я ему свой собственный горький опыт командования игровым войском.

Остромысл пригорюнился.

— Ладно, поедем, разведемся. Только ещё пару дел надо сделать. Во-первых, Олег, тебя уже перевязали? Все в порядке?

— Да нормально. Не каждый раз такую царапину сама Аора лечит.

— Значит так. Выдай мне и Остромыслу пропуск из города.

Олег с подозрением посмотрел на князя Кулижского.

— Ты видел, на чьей стороне он сражался? Этого достаточно?

Олег кивнул.

— Во-вторых, — я обнял его за здоровое плечо и подвёл к скамье, где сидели Яна и Людмила. — Аора совсем измучилась. Мы сейчас её где-нибудь спать уложим, а ты выставь охрану и чтобы никого не впускать, а её до моего возвращения не выпускать.

Яна попыталась вяло отмахнуться, но я решительно взял её на руки.

— Княгиня, веди показывай, где мы её устроим.

Людмила расщедрилась на свои собственные покои.

— Значит так, — проинструктировал я ратников, которых Олег поставил у двери. Кроме княгини и княжны никого ни внутрь, ни наружу до моего на то распоряжения.

— Теперь поехали. Только мне бы лошадь надо.

— А дракон?

— Скорость слишком разная.

— Пошли, — сказал Олег. — Дам тебе своего Сивку. Если справишься.

— Тиэл я или где? Что я с лошадью не договорюсь?

Сивка действительно оказался конём весьма норовистым. Но договориться было очень просто — я ему — ни шпор ни удил, а он не пытается меня сбросить. Он, правда, чуть не нарушил договора, когда Румата слетел с крыши терема посмотреть, на какого такого зверя я взобрался вместо него. Мне пришлось потратить определённые усилия, чтобы объяснить Сивке, что отношение дракона к лошади не всегда чи-

сто гастрономическое. Впрочем, Румата не особенно мне в этом помогал. Единственная фраза, которой он удостоил Сивку, была:

«Смотри, не будешь его слушаться — съем!»

— А ты, Ратша, сказал я на прощание, нагрузи перемётные сумы камнями. Если там начнётся заварушка, вы будете на месте через пять минут. А как с дракона воевать, я чувствую, не мне тебя учить.

Мы выехали из города и я впервые увидел ту дорогу, на которой столько всего произошло вчера, при дневном свете. Был, правда, уже закат, но тем не менее. Дорога, а вернее большая тропа, прихотливо вилась между двух стен высоких елей, то сбегая в небольшие распадки, то взбираясь на холмы. Время от времени лес расступался и по сторонам попадались небольшие деревеньки, окружённые полями колосющейся ржи.

Первые пять минут Остромысл ехал, погруженный в собственные мрачные мысли, но потом внезапно взглянул на пробивавшееся сквозь ветви елей закатное солнце, потом на лес на противоположной стороне дороги, и весь дальнейший путь любовался сто раз виденным пейзажем так, будто увидел его в первый раз. Я уже начал волноваться, что он приедет в вотчину Святополка с совершенно не тем настроением, которое нужно для того, чтобы призвать к порядку банду головорезов, но не мешал ему. В конце концов один хороший военачальник на полностью на моей стороне важнее, чем сотня посредственных ратников под командой ненадёжного союзника.

Но мои опасения были напрасными. Как только мы въехали в ворота усадьбы, по детски восторженная улыбка на лице князя сменилось обычным каменно-бесстрастным выражением опытного воина.

— Не велено пускать, — попытался остановить нас ратник у ворот.

— Ты меня знаешь? — спросил мой спутник. — То-то. Звони в набат, собирай воев, будем вече говорить.

Насчёт набата он, пожалуй перестарался, потому что Святополкова дружина сбежалась «конно, людно и оружно» и сгрудилась посреди двора, оживлённо переговаривась.

— Становись в ряд! Вы вои или оратаи немые?! И слушай, что князь говорить будет.

Дружина кое-как построилась в спешке приводя в порядок амуницию.

— Значит, так. Господин ваш пойман сегодня на воровском деле — меч на князя Владимира поднял, и в яму посажен. Поэтому с сего часа я вам господин.

По рядам ратников пробежал глухой ропот, слышались отдельные

выкрики, типа «верните нам Святополка», «не хотим под Владимира», но этим все и ограничилось. Все-таки Остромысл пользовался слишком большим авторитетом как военачальник. Да и отсутствие огнестрельного оружия сильно способствовало тому, что конного воина, известного как хороший боец, предпочитали выслушать до конца.

— Я вас собрал здесь не для того, чтобы речи ваши выслушивать. Вы не поморы и не ушкуйники Армеласские, а ратники, а значит люди служивые. Служили Святополку, будете служить мне и Владимиру. Можете быть уверены, что от этого не обеднеете. Но вольницы и пьянки под моей рукой не будет. Кто с этим не согласен, пусть складывает оружие и идёт на все четыре стороны. Ну!

Из рядов не вышел никто.

— Кто из вас старший.

Вперёд вышел мужик лет сорока, доспехи которого были застёгнуты более аккуратно, чем у всех остальных.

— Сотник Сорока.

— Значит, сотник, завтра с утра собираешь своих людей и ведёшь их в Кулигу. Эту грамоту, — князь протянул кусок бересты, — отдашь воеводе Гневичу. И слушаться его приказаний, как моих. Вольно, ратники.

Мы развернулись и выехали за ворота. Нас провожала глухая тишина.

Глава X Послы Империи

Вечером мы было собрались устроить военный совет, но этому решительно воспротивилась. . . Людмила.

— Никаких советов без Аоры. Загнали девочку спать, а сами за её спиной все решить хотите. Меня вы слушать не будете, а она бы вам, мужикам, мозги-то вправила.

— Где ж это видано, чтобы бабы в военном совете заседали, — попытался воспротивиться князь.

— Не бабы, а фея Аора. Я, слава богу, на её место пока не собираюсь. Мне и своих дел хватает.

Не знаю, что подумал бы Румата по поводу княгинино коромысла, но я совершенно точно знал, что Яна выпорот меня боковой стороной мною же откованного палаша, если я не последую совету княгини.

— Последняя задачка не сегодня, — сказал я ей после того, как совет было решено отменить. — Драконов мыть надо, а Аора спит. Может Ладу с Бригитой отпустишь?

— Да я бы и сама слетала.

— Пожалуй, положение не позволяет — при всем народе в речке плескаться, — возразил я, а сам подумал: «Слетаешь, а потом князь тебя ко мне всю жизнь ревновать будет».

— Ну тогда хоть до речки доведите, а я на вас с берега посмотрю.

Похоже было, что Людмила не в первый раз летает на Бригите — та слушалась её беспрекословно.

На рассвете я проснулся от того, что ко мне под одеяло скользнула Яна.

— Просыпайся, соня! Смотри какой день начинается. В самый раз для брачного полёта. А мы с тобой с этой политикой совсем друг про друга забыли.

— Только брачного полёта нам здесь ещё не хватало, — проворчал я спросонья, не разобравшись, что она имеет в виду.

— Ну тебя, — надулась она. — Засунул меня в покои Людмилы, и решил, что можешь дрыхнуть сколько влезет. Она сделала движение, как будто пытается выбраться из-под одеяла.

— Не выпущу! — Я прижал её к себе. — Нам-то с тобой можно. С драконами хуже.

— Это ещё почему? — она посмотрела на меня с удивлением.

— Случится — увидишь. Избежать этого мы все равно не избежим. Так что выкинь это из головы. А я правда за два дня по тебе соскучиться успел.

— О чем это ты там вчера шептался с Остромыслом, спросила Яна, когда мы уже были в состоянии обсуждать посторонние темы.

— Сейчас расскажу. Только давай сначала встанем. Постель не место для серьёзных дел.

— А *это* ты считаешь несерьезным, — рассмеялась она. — к тому же фаворитки всех властителей всех времён и народов именно тут и вели политику.

— Ну, у нас с тобой несколько другие отношения, — сказал я и поцеловал её в лоб.

— Остромысл, конечно замечательный парень, — заметил я, изложив содержание вчерашней беседы, но он считает, что войска Империи можно разбить в одной решающей битве. Но так не будет.

Война будет совершенно не похожа на то, к чему они все привыкли. Решающей битвы скорее всего не будет вообще. Да я и не уверен, что даже если собрать всех мужчин Древлянии, способных носить оружие, они способны разбить главные силы Архипелага. Но Император не пошлёт

«Иду на Вы». Он будет высаживать небольшие отряды, брать отдельные крепости, громить торговые города. Поэтому в этой войне главная роль отводится, во-первых поморам, которые если повезёт, вообще не допустят врага на нашу землю, а во-вторых охотникам Армеласа. Не доверяю я ратникам, которые сегодня повинуются Святополку, завтра — столь же бездумно, Остромыслу. Эту войну должны вести люди, которые знают за что сражаются.

В этот момент в дверь постучали и щёлку просунулась голова Лады:
— дядя Тиэл, мама зовёт к завтраку.

На завтраке у князя собрались все, кого я хотел бы видеть на военном совете: Остромысл, Олег, командир старой дружины Семигор, и даже Путята, простоватую верность которого князь наконец оценил.

Только я собрался изложить выработанный вместе с Яной план, как распахнулась дверь, и на пороге появился Аскольд:

— Княже, гонец из Орешка!

Он отступил в сторону, давая дорогу незнакомому ратнику, покрытому дорожной пылью и грязью с ног до головы.

— Княже, вчера утром в Орешке высадилось посольство Императора. Они прибудут к твоему двору завтра к полудню. Воевода Потап приказал мне скакать к тебе что есть мочи, и загодя предупредить.

Он без сил опустился на лавку.

— Княжеского мёда ему! — скомандовала Яна, и, схватив со стола первую попавшуюся чашу, по-моему Остромыслову, подала гонцу.

Дворецкий, стоявший за спиной князя, остолбенел от такого неслышанного нарушения обычая.

Князь тоже было поперхнулся, но быстро отправился и сказал:

— Садись, человек, отведай с нашего стола. И как отдохнёшь немного с дороги, поведай чем же так страшно посольство сие, что Потап, спокойствие и рассудительность которого всей Древлении ведомы, велел тебе мчаться так, будто Орешек уже пороками обложен.

Гонец осушил чашу, ухватил с блюда гусиную ногу, и, расправившись с ней начал рассказ:

— Приплыл в Орешек корабль невиданный, больше самой большой из зверовых лодий раза в два, издал звук громовой, дымом окутавшись, двадцать раз и ещё единый. А после того, как дым сей рассеялся, съехали с того корабля на лодках, коврами изукрашенный, каждая о двадцати вёслах, послы островитянские.

Послов тех пять человек, а с ними дружины десятка три. Послов Потап принял, как положено, а дружине их приказал бочку мёда вы-

катить. Перепилась дружина та и хвасталась, что приведут послы тебя, княже, к присяге на верность богу их, островитянскому, и что сила воинская хозяина ихнего, Амператора, столь велика, что корабль сей единый может стены каменные Орешка с землёй сравнять, а таких кораблей у Амператора видимо-невидимо.

Потапу речи сии необузданные доложены были, и послал он меня упредить тебя, княже.

Я обернулся к дворецкому:

— Писало сюда, быстро!

В мгновение ока мне подали кусок бересты и стило. Я нарисовал силуэты каравеллы, галеона, петровского фрегата и пододвинул лист к гонцу.

— Скажи мне, на какой из этих кораблей был похож тот, посольский.

Гонец уверенно ткнул в изображение фрегата.

Так, узлов десять при хорошем ветре, и больше двадцати пушек с каждого борта, судя по салюту. Плохо нам придётся, если не начинать делать с флотом что-то немедленно.

Насчёт видимо-невидимо они пожалуй вразили, это явно демонстрация силы. Пожалуй у них таких и для линейного боя не наберётся. Но даже с куда меньшим по размерам бригам с хорошей артиллерией, драккарам, то есть боевым стругам, делать почти нечего.

— Первое, что надо сделать, княже, — оторвал меня от моих мыслей голос Яны. — это переселить нас с Тиэлом, ну к примеру в Святополкову усадьбу. Послы не должны видеть драконов.

Второе. Концентрировать войска на побережье видимо не стоит, потому что это не укроется от глаз послов, но Остромыслу ехать в Поморье надо.

— Да, — добавил я. — Если у противника такие корабли, наша первая задача — создать флот, который способен с ними бороться.

— А нам с тобой Тиэл, — продолжала Яна. — придётся дожидаться посла здесь. И посмотреть ему в глаза.

Послы въезжали в город торжественно. Впереди скакал герольд с рогом, за ним знаменосец, а замыкали колонну две шеренги охраны с пёстрыми перьями на шлемах. Я поймал себя на том, что изображение креста на флаге меня попросту возмутило. Похоже, что я начинаю и вправду чувствовать себя языческим божеством.

Князь принял послов в той самой зале, где за два дня до этого был пир. Сейчас она выглядела совершенно по другому.

Длинный стол исчез, а под окном было устроено возвышение, на ко-

тором стоял трон князя. Стены были украшены знаменами и гирляндами цветов.

Князя окружала толпа придворных, по преимуществу воинов. Среди них, где-то за широкими спинами Семигора и Путяты пристроились и мы с Яной.

Послы представляли собой довольно колоритную компанию:

Тучный, пышно разодетый вельможа, явно искушённый дипломат и придворный льстец, худощавый крепкий пожилой мужчина в столь же роскошных одеждах, но явно более ловко чувствующий себя в латах, монах, по диаметру соревнующийся с вельможей, выражение лица которого свидетельствовало о том, что под его тонзурой кроется что-то большее, чем элементарная хитрость, и двое скромно одетых людей в серых плащах. Один из них представлял собой явное пустое место — что то вроде назгула — кусок темноты под капюшоном, а второй привлекал к себе внимание, хотя явно силился этого избежать — худой, как скелет, с бледным лицом и ввалившимися щеками, но в пронзительном взгляде его чёрных глаз было что-то такое, что позволяло понять, что главный здесь именно он, а не вельможа и не суровый вояка.

Князь учтиво поприветствовал гостей, пожелал им приятно провести время в Древлеграде, а затем ловко свёл разговор на то, что серьёзные дела в спешке не делаются, и надо бы гостям отдохнуть с дороги. Похоже, вельможа, тащивший на себе всю официальную часть, был с ним вполне согласен, и в итоге послы ограничились вручением верительных грамот, несмотря на явное неудовольствие худощавого.

На следующее утро мы с Яной въезжали в город, возвращаясь из Святополковой усадьбы, где мы ночевали.

— Смотри, — сказал я ей, показывая на дом, где разместились послы. Теперь ясно, зачем Ориганде понадобились мы. Я все никак не мог этого понять, вроде варягов в Древлении и без того хватает.

— Ну дом, как дом — удивилась она. — И вчера он здесь стоял. Только без послов.

— А над домом?

— Верёвка натянута.

— А проволока не хочешь? Вон даже изоляторы видны. Полуволновой диполь это, вот что. Послы привезли с собой средневолновую рацию.

— ??? . . Ты думаешь они тоже с Земли?

— Ну не они, а тот кто заказывает музыку в Империи, явно из какого-то технократического мира. Только его Дверь в отличие от нашей железки пропускает. Ты обратила вчера внимание, что главным среди послов

был Григорио, а вовсе не герцог Мирунни. Второй в сером плаще — типичный рыцарь плаща и кинжала, а вот главный — штучка. Хотел бы я посмотреть, в чем он ходит дома.

— Почему?

— Да потому что его плащ сидел на нем так же плохо, как придворная мишура на старом кондотьере Анарино рядом с ним.

Может попытаться нанести им внезапный визит?

— А как ты это объяснишь с точки зрения этикета?

— А мы воспользуемся нашим правом божественной бесцеремонности. Тем более мне очень хочется, чтобы святой отец попытался доказать мне моё собственное несуществование.

— Мне бы не хотелось поднимать их с постели.

— Ну, монах несомненно уже давно встал и молится за пропащие души древлян, кондотьер не из тех, кто долго спит. Григорио несомненно уже встал, потому что антенну они смонтировали сегодня утром. А что касается старой лисы и шпиона, то я не испытываю ни малейшего желания общаться с ними.

— Знаешь, Вит, если хочешь иди, но без меня. Мне ещё надо с князем и с Людмилой поговорить.

— Думаю, они меня не съедят. — рассмеялся я. — Ратша, пошли.

Глава XI Анахронизмы

У дверей стоял стражник с довольно узкой шпагой у пояса, без доспехов, но и без признаков огнестрельного оружия.

— Доложи их превосходительству, что Тиэл, сын Вотана, желает видеть их, а в особенности доктора Григорио, отца Джованни и маркиза Анарины.

Стражник провёл нас в прихожую, где дожидался ещё один, и передал ему мою просьбу. Тот бросился вверх по лестнице, а первый вернулся на свой пост.

Спустя некоторое время сверху спустился лакей в роскошной ливрее и сообщил:

— Господа завтракают и приглашают Вас присоединиться.

Я оглянулся по сторонам. Ратша куда-то испарился.

«А кто он такой, этот Тиэл — ни титула, ни звания» — доносился сверху приглушённый голос старого кондотьера.

«Сын Вотана. Вотан это один из главных богов. Наверное один из высших языческих жрецов» — это похоже Григорио.

«Нет, это не служитель Сатаны. Тиэл — имя одного из младших дьяволов в их языческой иерархии» — это без сомнения священник.

«Значит черт или тот, кто за него себя выдает» — резюмировал Грегорио.

«Опять эта жирная свинья дрыхнет в самый неподходящий момент» — опять маркиз.

В этот момент я вошёл в дверь и разговоры моментально смолкли.

— Приятного аппетита, господа. — я окинул взглядом компанию. Грегорио был одет так, как я и ожидал — по моде скорее викторианской эпохи, чем Возрождения. Священник в той же рясе, что и вчера, трясущейся рукой творит крестное знамение. Анарини с интересом разглядывает меня, в особенности Магический Кристалл.

— Бесполезно, отец Джованни! — обратился я к священнику. — Если бы нас, языческих богов, можно было победить простым экзорцизмом, у вашего Императора не было бы нужды ни в таких людях, как маркиз Анарини, ни в сорокапушечных фрегатах.

Глаза Грегорио вспыхнули живейшим интересом.

— Держу пари, доктор, вам сейчас пришла в голову мысль, что никому из ваших коллег не приходилось анатомировать сверхъестественное существо.

А вот вам, маркиз, я могу доставить удовольствие сравнить технику фехтования у нас в Ветрограде и вас в Империи. На учебном оружии, разумеется. Делить нам вроде нечего.

Но вообще-то я предпочел бы разговаривать с вами нормальным человеческим языком. Не то чтобы чтение ваших мыслей сильно утомляло меня, просто я предпочитаю быть со своими собеседниками на равных.

— А вы действительно из рода Арсов? — наконец смог выдать из себя Грегорио.

— Ну, если даже в вашей религии бог в критический момент истории появился среди людей, то мы, Арсы, делаем это регулярно. Впрочем, не так уж часто мы открываем при этом свои истинные имена, как поступили сейчас мы с Аорой.

Да, вы совершенно правы, святой отец, в данный момент я здесь потому, что угроза со стороны христианской Империи стала вполне реальной. Кстати, я хотел бы провести с Вами небольшой богословский диспут. Возможно, не сейчас, надо дать Вам время подготовиться, вы ведь рассчитывали дискутировать со жрецами, а не с самими богами, но все же мне очень интересно, как Вы будете доказывать мне, что я не существую или являюсь представителем сил зла.

Священник ещё раз перекрестился.

— А Вас, доктор Григорио, я просил бы согласовать волны вашей рации с командованием военно-воздушных сил Древлянии, поскольку, если она будет мешать работе диспетчерской службы, могут быть некоторые дипломатические осложнения. Вы можете просто назвать длину волны мне, а я передам кому следует. Несомненно, в силу законов гостеприимства, древляне предпочтут в случае чего изменить свои частоты, а не мешать Вам.

— 320 метров основной канал, 450 резервный. — ошарашенно ответил он.

— Повторите пожалуйста, я запишу, сказал я, лезя в карман за берестой и стилем. На самом деле я запомнил его слова прекрасно, просто хотел ещё раз убедиться, что он сказал «метры».

После ещё нескольких фраз, я понял что пора кончать, иначе послы на весь день будут выбиты из колеи.

Я взял со стола бокал вина, поднял его, незаметно окунув туда кусочек рога единорога.

— Ваше здоровье, господа. Но к сожалению вынужден распрощаться. Дела. К сожалению я не такой вездесущий как ваш Христос и не могу уделить вам больше времени.

Когда я встретился с Яной в княжеском дворце, она спросила:

— Ну? Чего ты добился?

— Кто знает... — ответил я. — Может ничего, может нескольких дополнительных месяцев мира, может того, что их фрегаты срочно оснастят зенитками.

Во всяком случае доказательства присутствия землян настолько веские, что хоть в Гаагский суд подавай.

— А тут знаешь какая интересная история. Оказывается Лада по своей собственной инициативе составила список всех ведунов в Древлеграде. После истории с отравлением, она их всех подозревает в чем-то нехорошем.

— Надеюсь, ты её разубедила?

— Попробуй сам — такая упрямая девчонка.

— А список пригодится. Там алхимики какие-нибудь есть?

— А зачем?

— На должность монаха Бертольда Шварца.

— Тащить сюда нашу военную технику?

— Увы, та сторона это уже делает. Нужно же мне что-то противопоставить фрегатам. Можно сколько угодно говорить о благих целях, но

военная мысль считается только с фактами, а фактом является то, что у них пушки есть, а у нас нету.

— Но цель не оправдывает средства. Сейчас ты дашь поморам в руки винтовки против Империи, а завтра они этими винтовками истребят местных морских коров. А Армеласские охотники сделают с местными лесами то, что американцы с прериями.

— Не сделают, потому что это не прерии, а леса. В Сибири ведь не сделали. А туров в южно-русских степях извели и без огнестрельного оружия. Это проблема плотности населения, а не уровня техники. Во-вторых, я собираюсь развивать тут не ручное оружие, а мины заграждения и противокорабельные ракеты.

Это оружие и против морского зверя никто не применит, потому что зверовщику нужны шкуры и жир, а не разбросанные на три кабельтова куски мяса, и пиратам оно ни к чему — по той же причине.

Вообще, я подозреваю, что если нам удастся справиться с Империей, то про эти вещи скоро забудут, потому что они практически не применимы нигде кроме большой войны.

— Вечно вы, мужики, мыслите технократически.

— А что предлагаешь ты? Стадо дрессированных Моби Диков? Ты представляешь, что будет с бедными кашалотскими ушами, если противник рванет в воде хороший пороховой заряд? А он догадается, будь уверена.

Она замолчала, не находя возражений, но весь её вид давал мне понять, что она осталась при своём мнении.

Алхимика звали Немил Борисыч. Он был стариком лет под семьдесят, сухоньким, невысоким с длинной седой бородой. Его *idea-fix* было создание панацеи. В качестве промежуточного ингредиента он пытался получить абсолютный растворитель, хотя на вопрос о том, как он собирается его хранить, он растерянно промолчал.

Зато в качестве плодов неудачных экспериментов он обладал технологией получения серной кислоты и перегонки нефти.

Идею переквалифицироваться из фармацевта в пиротехники, он сначала принял в штыки, но я доказал ему, что хорошая артиллерия способна в грядущей войне спасти больше жизней, чем любой антибиотик. А когда я пообещал ему рецепт пеницилина, он совсем согласился работать под моим руководством. Набросать план экспериментов было делом недолгим, а дабы избежать промышленного шпионажа, я привёл из леса здорового медведя и приставил его к Немилу в качестве подручного. Как ни странно, несмотря на своё бурное прошлое, включавшее и

охоту и золотоискательство и ратную службу, а может наоборот, благодаря этому, Немил моментально нашёл с Мишкой общий язык. Как то через пару дней я заглянул к ним и увидел, как Немил моет медведя в огромном корыте при помощи жёсткой щётки, а тот аж похрюкивает от удовольствия.

Пятый, безымянный, посол все же выследил нас позднее во время испытаний первой ракеты на поле за святополковой усадьбой.

Позже мне удалось прочитать его донесение по этому поводу. Ох и хохотал же я над этой развесистой клюквой:

«В артиллерии у них в качестве тягловой силы применяются медведи. Это делает сомнительным успех пехотных атак на батареи, несмотря на то, что понятие картечи им, по-видимому, не известно».

Глава XII Брачный полет

В один из этих дней я вернулся домой очень поздно, но в приподнятом настроении. То ли Немил Мишка отмолил что-то особенно смешное, то ли Лада выкинула очередной номер, то ли Олег рассказал мне на прощание особенно свежий анекдот образца X века, но в душе у меня все пело и плясало.

Проснулся я на рассвете в ещё более чудесном настроении. Яна тоже что-то была особенно нежной. На речке мы с драконами плескались громче обычного.

А когда мы вернулись, Бригита вместо того, чтобы разделить побратски с Руматой обычного утреннего барана, уволокла его на крышу и стала пить из туши кровь, издавая курлыкающие звуки. Румата сидел во дворе, не пытаясь даже подобраться к ней и глаза его необычно сияли.

— Начинается. . . — Яна кошкой прильнула ко мне. — Пошли в дом, а то здесь люди ходят.

Едва мы успели закрыть за собой дверь комнаты, как Бригита свечкой взмыла в воздух, а Румата устремился за ней. Где было в этот момент моё сознание — в моем мозгу или в его — не могу сказать. Перед ним была его золотая королева, передо мной — Яна, моя фея Аора. Наши с Яной губы встретились и мой мозг, кроме моего и драконьего желанья, затопили её любовь и чувства Бригиты. Я торопливо провёл рукой по груди моей подруги. Сейчас, сейчас, ещё минута и гонка в небесах окончится и души всех четверых сольются в едином порыве страсти.

Описать это невозможно. Представить тоже. Ни один мужчина не может дать своей женщине, и ни одна женщина своему мужчине такого

наслаждения, какое испытывают сплетающиеся в небесах драконы.

Все это продолжалось буквально минуту, а потом драконы устало опустили на крышу конюшни, а мы с Яной лежали глядя в глаза друг другу, благодарные друг другу больше, чем когда-либо раньше.

Ещё несколько минут спустя я стряхнул с себя сладкую негу, решительно встал и начал быстро одеваться.

— Ты куда? — удивлённо спросила она.

— Ратша. . . — ответил я, как будто одно это имя все объясняло. — Понимаешь, он всадник Руматы почти настолько же, насколько я. . .

Ратшу я нашёл в пустом стойле. Парнишка зарылся лицом в сено и горько плакал.

— Что с тобой, — спросил я, ожидая какой угодно реакции, вплоть до удара ножом.

— Румата, змей противный, — всхлипнув, сказал Ратша. — Бросил меня. Все время были с ним душа в душу, ничего друг от друга не скрывали. От тебя у него были секреты, от меня нет. А тут — змеюку красивую увидел и как ножом отрезало.

Бабник он и все тут.

В дверь просунулась виноватая драконья голова.

— Уйди, змей бурый, видеть тебя не хочу. Смотри, Тиэл — извиняться пришёл, — Ратша понемногу успокаивался. — А от тебя он тоже закрылся?

Вот тут виноватые глаза сделались у меня. Ну что я мог объяснить мальчишке? К счастью, он неверно понял моё молчание.

— Значит, у них, змеюк похотливых, обычай такой, и он ни в чем не виноват.

В стойло влезла Бригита и стала слизывать Ратшины слезы своим сухим раздвоенным язычком. Он, не ожидавший проявления нежности от «сердитой тетки-драконихи» совсем растерялся и впал в какой-то ступор. Я воспользовался этим и поскорее ретировался.

— Ну что, мой змей, будем с мальчишкой делать? — спросил я Румату, положив ладонь ему на затылок и глядя в золотистые бесстыжие глаза.

— Парню свой дракон нужен. Дай мне два дня отпуска, слетаю с ним на Драконью гору, подберу ему парня помоложе, у которого шкура ещё не потемнела.

— А кто говорил, что насчёт местных лучше не подкатываться?

— А теперь жожаки побоку идут. Они своё отлетали. А за то что я испытал сегодня, любой дракон согласится в конюшне спать.

То, что ты мне шкуру драишь, это ещё не аргумент. То что мы мысли

делим, так это и с драконом можно. А во время брачного полёта у нас каждый за себя. И даже золотая с бронзовым своими чувствами не делится. Вот я парнишку из мыслей и выкинул, как только взлетел. Тебя тоже хотел, но почувствовал, что ты испытываешь, и меня захватило.

У вас, ведь, людей, это не так как у нас — вы, когда вдвоём — одно. В общем, я чувствовал не только как я хочу Бригиту или как вы с Яной хотите друг друга, но и как Бригита хочет меня. Вот за это любой драконшку отдаст, не пожалеет.

Если я это своим расскажу, они по всей Древлениии таких ребяташек, как Ратша с Ладой начисто выскребут.

— Не все так просто, парень ты мой бронзовый. Не буду утверждать, что мы с Яной особенные, но ох как не всякий дракону во всадники годится.

— Я же сказал — таких как Ратша с Ладой.

— Ладе обязательно дракон нужен, вмешалась в разговор Бригита, выползая из стойла в обнимку с Ратшей. У меня сестрёнка есть, голубая ещё, из последней маминной кладки. В самый раз подружка будет.

— Зверье вы моё любимое, если б у нас, людей, все так просто как у вас решалось — вожakov побоку и в небо.

— А мы Людмилу уговорим, — во двор выскочила Яна с обычными озорными искорками в глазах. — И будете вы с Ладой лет через пять, — она чмокнула Ратшу в лоб, да так, что у меня в груди зашевелились коготки ревности. — Совсем как мы сегодня! Правда, Бригита?

— А князь? — спросил я уже представляя те аргументы, которые приведу Владимиру Ярополковичу.

— А князя Людмила под каблук! — Яна лихо крутнулась вокруг себя. — Они в юности знаешь какие баталии устраивали —

Она ухват, а я беру заслонку.

Вперёд — посмотрим кто кого. . .

пропела она совершенно не на тот мотив.

— Да, взять пяток таких всадниц, как ты и Лада, да после брачного полёта, да по дюжине ракет под крылья, так вы седьмому флоту США второй Пирл-Харбор устройте, не то что Империи Архипелага, — сказал я, глядя на её эйфорическое настроение. — Смотри, Яна, а оказывается не только Ориганда на нас влияет, но и мы на неё. Ведь брачный полет это мы с тобой у Маккеффри вычитали, а драконы до сегодняшнего дня знать про это не знали.

— Значит быть здесь Вейру! Седлай лошадей, поехали князя уговаривать. Впрочем, нет — драконов. К черту конспирацию на сегодня.

О чем шептались Яна с Людмилой я не знаю. Я же в свою очередь красочно расписал князю картину боевого применения драконов, потом осторожно подвёл к мысли, что командование таким родом войск нельзя выпускать из семьи, и наконец прямо сказал, что драконы хотят видеть Ладу в рядах всадников.

— Мыслимое ли дело, — покачал головой князь. — Несмышлёныш она ещё. Да и не женская это доля — конницей командовать. Ну, драконницей, все едино.

— Ты же сам сколько раз говорил, Волько, — вмешалась Людмила. — Что лучше б ей с таким характером мальчишкой родиться. А так — какая её доля может быть? Так же с мужем воевать, как мы с тобой воевали? Но я то хоть за великого князя вышла, да по страсти, чуть не убёгом. А ей кого в мужья прочишь? В Архипелаг или Заморье не отдашь, пожалеешь — там жён взаперти держат. Значит быть ей в каком-нибудь Лосевске или за мелким шляхтичем в Речи Нагорной. А так, ты только послушайся — Лада Древянская, Повелительница Драконов. . .

— А в мужья — сына кузнеца. По мне уж шляхтич-то лучше.

— Да этот армеласский кузнец в сто раз богаче и вольнее того шляхтича, у которого одна лошадь и для битвы и для пахоты. Он тебе такой же подданный, как и Остромысл Кулижский, даром что дедами не чванится. А потом смотри, какого цвета дракон у Тиэла, а какого у Аоры. Что спокон веку главнее было — золото или бронза?

— Ладно, уговорила, — буркнул князь. — Только не худо было бы и у девки спросить. А то я вашу залуцкую породу знаю — все поперёк батькиного слова норовят. . .

— Можно подумать, — фыркнула Людмила, — что хоть одна, летавшая на драконе, согласится в королевы. Да если бы не ты, пень старый, сама бы сбежала.

Она сделала порывистое движение, словно желая вскочить и обнять мужа, но стеснялась нас с Яной.

«И чего стесняется, глупая, — хором подумали мы. — Сегодня день такой — день Брачного Полета.»

Глава XIII Похищенный

Я стоял на шаткой палубе поморской зверовой лодьи, и провожал взглядом улетающих драконов. Все выше и выше поднимались кругами две

точки — бронзовая и золотая, потом бронзовая взяла курс на север, вдоль берега, унося своих юных пассажиров на Дымный Нос, в сторону Драконьей горы, а золотая направилась вглубь материка, к Древлеграду.

А я остался один на один с поморами. Остромысл где-то в Орешке, в дне пути отсюда, рядится с поморскими старшинами, а я здесь, в Могоре. Моя задача — военный флот, а не политика.

Конечно, поморы — народ вольный и самостоятельный.

— Мы лодьи строим, как деды строили, и внукам так заповедаем, а нововведения всякие, парус на парус громоздить — от Луки Лукавого, коего вы, Арсы, сами же на чепь посадили под жало змеиное.

Но почему бы мне и не договориться с ними? Ведь хороший ход под парусом «осудари-кормщики» любят не меньше, чем Румата высший пилотаж.

Конечно, если с ними, как Олег с Сивкой — кнутом, да шпорами — сбросят. Они народ до того самодостаточный, что будучи зверобоями звать меня по имени не стесняются, да и Эгира, владыку вод, в местной терминологии Ягира, поминают без излишнего почтения. Что ж им князя бояться.

Что бы им такое предложить? Конечно, обводы «Катти Сарк» я помню во всех деталях, но «Катти» по размерам побольше имперских фрегатов будет, и, по-моему у неё был железный набор. А здешняя лиственница все же вряд ли выдержит нагрузки пятнадцатиузлового хода при таком водоизмещении. К тому же местные корабельщики судов больше ста тонн не строят принципиально.

Ага, вот это уже ближе к делу — «Блюноуз», ньюфаундлендская рыбацья шхуна. Строилась с той же целью, что и чайные клиппера — утереть нос конкуренту, но по размерам, да и по функциям куда понятнее поморским мореходам. С неё и сдерём.

Рядиться с дедом Митяем пришлось почти до самого заката. Не укладывалось у него в голове, что судно, которое при нужде не вытащишь на лёд или на берег, может на что-нибудь сгодиться.

Обратно, от верфи до дома в деревне, где я сговорил себе место на полатах, пришлось идти через лес в темноте. Но что может угрожать здесь Тиэлу, хозяину лесов?

Я шёл, беззаботно насвистывая что-то типа:

Мимо текла-текла река,
Плыли куда-то облака,
Шёл человек, была дорога нелегка. . .

и затопляя своим умиротворённым настроением все вокруг, как вдруг меня внезапно схватили за плечи.

Я резко дёрнулся обернуться, потянув из ножен Магический Кристалл, но тут на голову мне опустился мешок, а грудь стянула верёвка. Потом меня подняли и долго тащили, видимо на руках, передавая из рук в руки. Потом я почувствовал боками жёсткое дерево, плеснула вода, раздался стук вставляемых в ключины весел.

Внезапно с мешок сдёрнули с моей головы и я увидел, что шлюпка стоит у борта небольшого судёнышка с латинскими парусами, на борту которого кто-то с офицерской выправкой любовно рассматривает Магический Кристалл. Меня подняли на борт на таях, как груз, и опустили в трюм на какие-то мешки. Решетчатый люк опустился, в последний раз блеснули в его отверстиях звезды, а потом все накрыла глухая тьма брезента. По палубе стучали босые ноги, раздавались слова команды, потом у бортов плеснула вода, и тартана, или как её там, двинулась с места.

Вот тебе и Тиэл, сын Вотана. Ещё утром ты гордо озирал окрестности с высоты летящего дракона, ещё днем проектировал непобедимый ракетноносный флот, а сейчас валяешься, как последний галерный раб в трюме какой-то вонючей средиземноморской посуды, которую любовью местный шторм пустит ко дну в два счета, а любая зверовая ладья возьмёт на абордаж, как бы она не огрызалась своими жалкими фальконетами.

От этих мыслей меня оторвало присутствие кого-то живого и любопытного.

— Привет, старая крыса, — мысленно сказал я.

— Я не старая, я ещё очень молодая, — последовал возмущённый ответ. — Мне ещё трёх месяцев нет. А тут пожрать что-нибудь есть?

— Подозреваю, что нет. По-моему в мешках, на которых я лежу — запасная парусина. А под ними уже стлани. Я слышу, как там вода плещется.

— Ну тогда я пойду поищу в другом трюме.

— Как поужинаешь, приходи, поболтаем.

Не ответив, крыса скрылась в щели, и я снова остался наедине со своими мрачными мыслями.

Что меня ждёт? Пытать меня, скорее всего, не будут. На это ума у тех пришельцев из нашего мира, которые заправляют в Империю, хватит.

Скорее всего меня поместят в комфортабельную камеру, будут неплохо кормить, даже иногда сажать за свой стол, чтобы лишний раз произдаться, будут регулярно снабжать донесениями разведки.

И буду я долго и мучительно агонизировать, наблюдая как тщетно бьётся Яна, пытаюсь вытянуть на себе все, что по идее должен был делать я — и флот, и авиацию, и минное дело. Если не погибнет в авантюрной и заранее обречённой на неудачу попытке освободить меня.

А если погибнет? На кого мы оставим Ориганду? На Ратшу с Ладой? На Немил Борисыча с Мишкой?

Ни тех, ни другого князь с Остромыслом не послушают. И выведут войска в поле на решающую битву, как привыкли, и лягут там под картечью и Олег, и Семигор, и Путята. Конечно, дед Митяй достроит мой «Дельфин» и, пожалуй, со своей природной смёткой даже разберётся, как управляться с гафельными парусами.

И пожалуй, Харальд с Всеволодом сумеют развернуть партизанскую войну. Наверное, и поморы изобразят из себя нечто вроде морских гезов. И даже лет через сто они, пожалуй, добьются независимости.

Но это будет уже совсем другая Ориганда — насыщенная стрелковым оружием, полностью христианизированная, где не будет места ни драконам, ни единорогам, потому что потомок нынешних армеласских ушкуйников будет смотреть на них только через прицел своего мушкета.

Ну вот, уже и рассвет — брезент в перекрестьях решётки над головой посерел и в полумраке проступили очертания пиллерсов и шпангоутов. Интересно, а кормить меня в пути будут?

— Дождёшься от них корма, как же!

Ага, давешняя крыса вернулась. Ну иди сюда, зверёк, потолкуем.

Крыса недоверчиво высунула усатую мордочку из-за пиллерса и посмотрела на меня глазёнками-бусинками:

— А что это вдруг ты со мной разговариваешь, вместо того, чтобы мушкетелем кидаться?

— А потому что я Тиэл, покровитель всего четвероногого, крылатого и хвостатого. А кинуть в тебя чем-нибудь не смог бы и при всем желании, потому, что связан.

— А может мне пока тебе уши отгрызть?

— Не советую. Сопротивление я могу тебе оказать и связанный. Кроме того, какой тебе смысл ссориться с единственным человеком, который крыс не ненавидит.

— А действительно, какой смысл? . . . Слушай, я только что на камбузе ящик с галетами подгрызла. Хочешь, принесу одну.

— Ты бы лучше мне пути перегрызла.

— Ненавижу просмолённую пеньку.

Она подбежала ко мне и нахально уселась на грудь, поводя усами.

— Ага, они связали тебя сыромятным ремнем. Вот идиоты! За дело! И она с наслаждением впиалась зубами в кожу.

— Э-э, осторожнее, руку не прокуси.

— Лес рубят — щепки летят! Так, кажется, у вас, людей, говорят.

Не прошло и пяти минут, как мои руки были свободны.

— Ноги надо? — она покосилась на мои сапоги.

— С ногами сам управлюсь, а ремень в нору утащишь, на чёрный день.

— Вот бы все с нами, крысами, так — были бы мы белые и пушистые. Давай, может, галету принесу.

— Лучше скажи, не видела ли ты где моего ножа? — Я подробно описал ей своё оружие.

Она кивнула и молча скрылась в щели. Где-то через полчаса послышалось её кряхтенье, и из щели показался розовый хвост, потом шерстистая корма, и наконец голова, в зубах которой была зажата петля на рукоятке моего ножа.

— А кожа на петле-то вкуснее, чем на ремнях.

— Сравнила — олень, которые ещё пару недель назад бегал, и эта старая корова. Иди сюда, отблагодарю за службу.

И я полез в карман за палочкой кленового сахара, которую держал на случай, если придётся знакомиться с какой-нибудь лошадьё.

Тут даже в крысе проснулся альтруизм и она свистнула своих подруг.

Они ещё не успели справиться с угощением, как на палубе послышались шаги, зашевелился брезент и в трюм хлынули воздух и свет, и, наконец, раздался стук сдвигаемой крышки.

Я пригнулся за пиллерсом, моля всех известных мне богов о том, чтобы у того, кто первым спустится в трюм, оказалась хорошая шпага.

Но кроме матросского ножа за поясом у него не было ничего.

— И где же ты, пленник? — удивлённо спросил он, оглядывая мешки. — Крысы штоль сожрали?

— Да здесь я, здесь, — ответил я шёпотом, приставляя ему к горлу лезвие ножа.

— Вот дела-то, — удивился матрос. — Капитан велел развязать ему ноги и вести к нему в каюту на завтрак, а он-то. . .

— Ну что ж, веди. А если вздумаешь выдать, то мои пушистые друзья, — я показал ему на стайку крыс, — отгрызут тебе ночью то, чем ты больше всего дорожишь.

— Ага, отгрызем, — закивали головами крысы. — Сначала нос, потом уши.

Я намотал на руки кусок отрезанной от мешка верёвки, спрятав в рукаве нож, и неуклюже, с помощью моего конвоира, выбрался из трюма. Матрос привёл меня в каюту капитана, размером чуть больше вагонного купе, и остался за дверью.

За накрытым на две персоны столом сидел крепкий парень лет тридцати, по типу лица больше похожий скорее на норвежца, чем на итальянца.

— Капитан Имперского Флота Франческо Карассони, — представился он. — Приветствую вас на борту «Синьориты». Вы, так полагаю, Ти-эл, сын Вотана. Интересно, интересно. Я, конечно, уже два поколения, как христианин, но мои предки в вас верили. Извините, что не рискую развязать вам руки.

— А я в этом и не нуждаюсь. — На глазах у изумлённого капитана я шагнул к стене и сорвал с неё перевязь с Магическим Кристаллом. — Вот теперь, Фрэнсис Харальдсон, я могу воздать должное твоему завтраку, и твоему обществу. Ты уж извини, но за свою шпагу лучше не хватайся. И за свисток тоже. Я могу разрубить тебя пополам вместе со столом быстрее, чем кто-нибудь успеет прибежать.

Так что можем спокойно продолжать беседу. Мне очень интересно, как вы ухитрились так быстро приплыть за мной, даже при наличии радиосвязи. Ведь доктор Грегорио мог узнать о том, куда я направляюсь, только вчера утром.

— А мы, в общем-то и не плыли. Мы прикомандированы к посольству в качестве ретранслятора и с момента его прибытия держались в пределах видимости от берегов. А когда я узнал, что вы направляетесь в Могору, я решил проявить инициативу. И, как видите, успешно.

Правда, Грегорио придётся пару дней посидеть без связи, пока я не сдам Вас на какой-нибудь другой имперский корабль. . .

Меня так и подмывало сказать «инициатива наказуема» и поставить этого щенка на место. Но я пока сдерживался. Надо же поесть.

— И как тебе, капитан Харальдсон, донесения из Древлеграда?

— Я простой моряк, ну подучился немного с этой штукой обращаться, — он кивнул на стоящую в углу рацию. — А доктор Грегорио у самого мессира Теодоро в учениках все три года ходил. Вот они и общаются на жаргоне, понятном только им двоим — «авиация», «верификация», «информация». А когда идут понятные слова, то это такой бред, что я подозреваю, что донесения шифруются. Ну, например — медведи в артиллерии.

— Ну-ка, вспомни религию своих предков. Какие обязанности там

выполнял Тиэл?

— Что-то вроде егеря при Одине, хозяин лесов, защитник зверья.

— Так что видишь, что шутка с медведями может и правдой оказаться. А кто такой дон Теодоро?

— «Бич божий». То есть он явно чернокнижник, но с попами живёт душа в душу. За три года вырос из придворного алхимика в первого министра, построил *наш* флот, — глаза Фрэнка так и вспыхнули законной гордостью. — учредил Охрану Веры, что уже менее приятно, и намерен нести свет христианства во все концы Ориганды.

— Ох, Фрэнсис, держи язык за зубами, сказал я, вставая с места. Особенно, когда говоришь об Охране Веры. Язык твой — враг твой. Да, ещё, неужели вас в Имперском Флоте не учат, что инициатива наказуема? — слушая разглагольствования словоохотливого капитана, я успел расправиться с солониной и галетами, и решил, что настала пора действовать.

— Судно твоё я захватывать не стану — на такую калошу мне экипаж в Поморье не набрать, а вот рацию возьму. С этими словами я приставил остріё Магического Кристалла к его груди, перегнулся через стол, и вырвал рацию из гнезда.

— Транзисторы на Ориганде дефицит, так что пригодится. Засим разрешите откланяться и покинуть негостеприимный борт «Синьориты», — продолжал я стоя уже на палубе. — И посоветуйте следующему имперскому офицеру, который решит меня пригласить в вашу столицу, действовать более официально, без мешков и сыромятных ремней.

Я совсем уже собрался шагнуть за борт и довериться одному из дельфинов, шнырявших вокруг «Синьориты», как почувствовал чей-то ищущий взгляд.

Я поднял глаза к горизонту. Над ним, со стороны берега, появились маленькие тёмные точки. Одна, две, три, четыре! Когда успели?..

Мгновенно мозг захлестнула волна узнавания: «Румата!» «Вит!»

И тут же перед глазами встала картинка не то из F-19 не то из Битвы за Британию: маленький кораблик в чёрном перекрестии прицела, а под пальцами — гашетки. . .

Глава XIV Не отнимай у тигрицы тигренка, а у женщины. . .

Брр! Не люблю чувствовать себя в перекрестье прицела, даже когда за этим прицелом Яна.

— Все в шлюпку, каналы! Оставить судно в пять минут, если хотите жить!

Фрэнк выскочил на палубу. Уловив нотку смятения в моем голосе, он было собрался крикнуть:

— Взять его!

Но тут его внимание привлекла серая струйка, сочившаяся из трюма к бакштову.

Он все-таки был настоящим моряком, этот предатель старых богов, и знал, что если крысы покидают судно в десяти милях от берега, то это неспроста.

— Что ты натворил в трюме, него. . . — он запнулся, наткнувшись на мой взгляд.

— Не в трюм смотри, а в небо. Доигрались, радиошпионы! Вот тебе древлянская авиация.

Драконы были уже размером с хорошую чайку, но опытный глаз моряка не мог ошибиться в оценке расстояния.

Упавшим голосом он повторил мой приказ оставить судно.

Хорошо, что он так легко струсил. Ведь у них есть мушкеты и, пожалуй, мне могло уже быть все равно, что через пять минут эту тартану разнесут в клочки.

Ну вот, я уже и лечу.

Вместе с тартаной? Нет, всего лишь в когтях у дракона. Ну, на такое во всей Ориганде способен только один Румата — на выходе из пике подхватить меня когтями с палубы, пройти под рейком взятого на гитовы грота и даже не стукнуть меня при этом ногами об рубку.

А вот и фейерверк. Я ожидал, что первый залп будет по рангоуту, но Яна (или Бригита, у кого там в лапах гашетки) стреляла сразу на поражение, в центр борта, чуть ниже ватерлинии.

Заметив отвалившую от обречённого судна шлюпку, она торопливо полезла в седельную суму за новыми ракетами.

— Отставить! — заорал я так, что они, пожалуй, услышали бы даже без Руматиной ретрансляции. — Дайте им уйти живыми.

— Вот ещё! — донеслась до меня ответная мысль Яны, но Бригита выполнила плавный вираж и взяла курс на берег.

— Ты так и будешь тащить меня в когтях, скотина озорная? — спросил я Румату.

— Могу и не тащить, — меланхолично ответил он и разжал когти.

Пилотажник из него все-таки классный. Не прошло и двух секунд, как я оказался над его спиной, все так же — с мечом в правой руке и рацией в левой.

После того, как Румата вышел из пике, а я убрал меч в ножны и засунул рацию в перемётную суму, ко мне вернулась способность оценивать ситуацию.

— Как это вы так быстро успели? — спросил я у своего бронзового друга. Ведь я всего часов восемь, как украден. А от Драконьей горы только до Армеласа добрых пятьсот километров.

— До Могоры столько же. К тому же ветер попутный.

Что с тобой случилось неладное, я почувствовал через час после заката, когда я уже познакомил ребят с малышами, он кивнул за спину, где махали крыльями два небольших дракончика. Мы все вместе даже выкупаться успели. Тут я и чую — что-то не так. Я сразу на крыло, благо малыши были отдохнувшие, и вверх тысяч на пять. А там в это время года всегда очень быстрый северный ветер.

Бригита меня и на таком расстоянии хорошо слышит, особенно после последнего Брачного Полёта, — он скорчил довольную гримасу. — Она сама пошарила «в эфире» и часа через два вылетела на Орешек. Над Орешком мы с ней и встретились. Смотрю — Яна сидит злая-презлая, глаза узкие, как щёлки, а у Бригиты к голове какие-то бревна примотаны. Я у Яны спрашиваю, что это, мол, за издевательство над животным, а они обе шипят — увидишь, мол.

Мы приземлились в Орешке минут через пятнадцать. Яна, все ещё сердитая, подошла ко мне:

— Ты чего раскомандовался? Я только во вкус вошла, а он висит в когтях у дракона, как селёдка у чайки, и вопит: «Отставить!»

— И это называется Аора Примирительница! Во вкус вошла! По бедной, почти безоружной тартане — сразу на поражение. По шлюпке с беззащитными людьми — ракетой. На это даже не у всех асов люфтваффе совести хватало.

— Тоже мне — Тиэл, защитник лесов. Мало того что позволил себя поймать, как кролика. Я тут ночью к твоему алхимику зашла, а у него пожалуйста, на выбор — напалм, шариковые бомбы, эйждент-оринджа только не хватает. И три медведя в качестве подсобных рабочих. Это не защита животных, а эксплуатация какая-то.

— Ладно, мышонок мой, трехкнопочный, перестань, — я обнял её и поцеловал в лоб. — Знаешь, как я тебе благодарен. . .

— Вот ещё! Сам ушами прохлопал, а я выручай!

— Ладно, не сердись, а то мы с тобой так поссоримся, что до следующего брачного полёта Бригиты не помиримся.

— Ну так и быть, сменю гнев на милость. Ты тоже хорош — фашисткой обозвал. Хотя чего бы я с удовольствием сделала, так это залила напалмом штаб-квартиру этого . . . дона Теодора. Может махнём в рейд, а? Сразу всем напастям конец.

— Не дотянут драконы с хорошим боезапасом, это во-первых. Авианосец подскока нужен, причём в самой зоне действия их флота.

А во-вторых, ты представляешь, какую резню устроит ведомство Охраны Веры на следующую ночь? Там же полно и наших, то есть древлян, и нагорцев. А сколько просто натурализовавшихся варягов? Это будет примерно эквивалентно атомной бомбе.

— Ты предпочитаешь, чтобы в десять раз больше невинных людей погибло на войне?

— Важно не количество, а качество. Тот кто убивает на войне, знает, что и он рискует головой, если конечно, не ракетами по беззащитным людям, как в Чечне. А кроме того, в эту эпоху на войне почти не убивают женщин и детей.

— В какую эту? Вы с мессиром Теодоро так успешно смешали эпохи — с одной стороны фрегаты капитана Блада, с другой — викингские драккары оснащённые ракетами Конгрева.

— С X-го по XIX век включительно. Если не считать расстрела ракетами Копенгагена. Но главное, что я пытаюсь тебе внушить — солдат и участник резни — это не одно и то же.

— И поэтому ты отпустил с миром этого гангстера-похитителя. Киднаппер это, кажется, называется.

— Прибавь ещё, отступника той веры, богов которой мы с тобой здесь представляем. Потому что этот Карассони по внешности явный Харальдсон.

Кстати, киднаппер из него никакой. Это следует хотя бы из того, что в момент, когда появились вы, я стоял на реллинге со своим мечом в одной руке и его рацией в другой, и голосовал проплывающим мимо дельфинам.

Она хотела ещё что-то возразить, но в этот момент Румата и Бригита подкрались к нам сзади с полными пастями воды, и дружно прыснули.

— Счас я вам обоим задам, скотины вы озорные, — Яна кинулась на

них, размахивая кулаками, но я обхватил её за талию и прижал к себе.

Она развернулась и стала отчаянно барахтаться, но в этом сопротивлении уже не было оттенка сердитости.

— Сейчас вы устроите ваш брачный полет прямо здесь, на песке, а там из крепости Остромысл с Потапом едут, — заметил Румата.

Мы принялись срочно приводить себя в вид, достойный представителей местного пантеона.

— Смотри, — вдруг ткнула меня в бок Яна. — какая идиллия.

Я обернулся. У самой полосы прибоя, свернувшись в один большой разноцветный клубок, мирно посапывали Ратша, Лада и два дракончика.

— Не нравится мне эта идиллия. Смотри, какие перья с моря надвигаются. Шторм будет. Надо бы всей этой чешуйчатой братии какую-нибудь крышу над головой найти. Надо будет спросить Потапа насчёт конюшни.

— Надоели конюшни, — заворчала Бригита. — там так лошадьми пахнет, что сразу после обеда есть хочется. Сами, небось, в чистой избе спите.

— Ладно, не конюшня. Лодочный сарай тебя устроит?

Тут в голову пришла другая мысль. Ну ладно, драконы. Они в конце концов на суше. А как там экипаж «Синьориты» — в углой шлюпке, без воды и припасов. . .

Тем временем Остромысл подъехал к нам и соскочил с коня.

— Ну наконец-то. Я уж тебя заждался. Давай скорее в город. А то поморы упёрлись, как бараны.

— Подожди, князь. Как там в былинах говорится — сначала гостя накорми, напои и спать уложи. Особенно их, — я кивнул в сторону малышей.

— Батюшки-светы, — всплеснул руками Потап. — Никак княжна в обнимку с драконом спит. Что ж на белом свете деется. . .

— В общем для драконов нужен достаточно большой сарай, типа лодочного, и пара телят на завтрак. И ещё. Милях в десяти на северо-восток болтается шлюпка с экипажем потопленного имперского судна. У вас найдётся что-нибудь достаточно ходкое, чтобы подобрать эту компанию до шторма?

— Это к Щеку, — сказал Остромысл, указывая на грузного пожилого мужчину в простом кафтане, неуклюже слезавшего с гнедой кобылы.

Я поприветствовал помора и повторил вопрос.

— Это мы можем, — ответил тот. — Олеша, — обратился он к сопровождавшему его парню. — Дуй живым ходом в гавань и скажи дядьке Хориву, чтобы поднимал паруса. Десять миль на полуножник, говоришь?

— Может уже и меньше. Я подозреваю, что они сейчас изо всех сил гребут к сюда, полагая, что плен лучше шторма.

— Это уж точно. Нешто их кто тут обидит, если смиренные будут. А послы, небось, выкупят.

«Вот уж от чего Фрэнсис постарается отделаться всеми силами», подумал я.

Через три часа я стоял на косе, отделявшей устье Кулы от моря и наблюдал, как посуровевший ветер кидает пенные барашки на песок. В море уже отчётливо была различима чёрная точка под белым пятнышком паруса.

— Ты не бойсь, — успокаивал меня стоящий рядом Шек. — Хорив и не в такие ветра в море хаживал. А обернуться до того, как настоящая коловерть начнётся, он успеет. Пошли, однако, в гавань, а то он чалки бросит раньше, чем мы придём.

Фрэнсис сошёл на берег такой же подтянутый, и пожалуй даже более весёлый, чем утром у себя в каюте.

— Ну что, Тиэл Одинсон, не кажется ли вам, что мы поменялись ролями? — поприветствовал он меня. — Могу вас заверить, что я буду более вежливым гостем, чем вы.

— Все зависит от обстоятельств. Вы пригласили меня в гости таким способом, что я не мог отказаться, а у вас был свободный выбор к кому из двух богов ваших предков направиться — к Тиэлу или Ран.

— Я бы на его месте подумал. — пробурчал кормщик Хорив.

— Конечно, — засмеялся я. — Ты зверобой, к тебе у обоих счёты. А он просто мореход. К тому же он по собственному опыту знает, что с мужчинами из рода Арсов иметь дело куда безопаснее, чем с женщинами.

— Это ещё почему? — удивился Фрэнсис.

— Потому что я, хотя и разговаривал с вами, приставив клинок к груди, но все же разговаривал. А Аора, ни слова не говоря, пустила «Синьориту» ко дну.

Отсюда мораль, Фрэнк — никогда не попадайся под горячую руку разъярённой женщины.

— Что я ей такого сделал, чтобы даже без предупредительного выстрела?

— Всего лишь похитил любимого мужа.

— Странные у вас, Арсов, порядки. Да две трети женщин Империи сказали бы мне за это спасибо. А тут сразу полный бортовой залп!

— Просто мы не имеем привычки разделять функции мужа и любовника.

Глава XV Крыса

Вернувшись с пристани, я застал всю компанию комфортабельно размещённой в лодочном сарае. Малыши уже спали, а Яна занималась тем, что чистила и натирала маслом шкуру Бригиты.

Первая мысль, которую я уловил, перешагнув через порог, была недовольным ворчанием моего дракона:

«Ну где ж тебя черти носят? Моя шкура тоже чешется!».

Я отстегнул и поставил в угол меч и только собрался заняться туалетом Руматы, ворча в свою очередь:

«Избаловали мы вас. Два дня тобой не занимался, а уже шкура чешется. Что ж вы делать-то будете, когда мы с Яной домой вернёмся. . . », как Яна подняла голову от Бригитиной спины и строгим тоном сказала:

— А теперь рассказывай!

— Что?

— Как ты умудрился попасть в эту заварушку и как собирался оттуда выпутываться без нас.

Я вооружился щёткой и занялся драконьей шеей, рассказывая попутно обстоятельства моего пленения.

— Тебе надо маленького зверя, — сказал Румата. — Вроде соболя. Чтобы сидел у тебя на плече и боялся вместо тебя. А то ты слишком беззаботный.

В этот момент что-то зашевелилось у меня в поясной сумке. Я сунул туда руку и вытащил двумя пальцами поперёк пуза, кого бы вы думали — давешнюю крысу.

— А вот и маленький зверь! Прошу любить и жаловать.

— Что за кошачьи манеры! — возмущённо пискнула крыса. — Спала себе спокойно, а он меня поперёк пуза!

— Ну и друзей ты себе выбираешь, — в тон ей фыркнула Яна. — Не мог найти кого-нибудь с хвостом попушистее.

— Попрошу не трогать мой хвост! Вон у неё, — крыса повела носом в сторону Бригиты, — хвост тоже голый и чешуйчатый, однако ты его маслом натираешь. Хм! — она принюхалась. — Такой продукт, и на драконью шкуру переводить! У Карассони это только к офицерскому столу подавали.

— Ну мы тебе что-нибудь получше найдём, — усмехнулся я. — То что у драконов между зубов проскочило, для тебя — целый пир. Да, кстати, а как ты у меня в кармане оказалась?

— Поставь меня, что ли, на пол, а потом вопросы задавай. Элементарно. Это даже толстый ёж сообразит, что вся эта катавасия была затеяна, чтобы вытащить тебя.

Значит, у тебя в кармане не менее безопасно, чем на шлюпке. А там Карассонивские матросы, которые вечно норовят чем-нибудь тяжёлым огреть, и даже спрятаться негде. Вот я и влезла тебе по штанам. Брр, ну и скользкие! Чуть за борт не улетела.

В процессе этой тирады крыса добежала до остатков телёнка и впилась в наименее обглоданное ребро. Яна хотела у неё ещё что-то спросить, но я остановил её.

— Бесполезно. Теперь пока не отвалится от еды, двух слов от неё не дождёшься. Очень целеустремлённое животное.

— Н-да. . . Ты, кажется, в любой твари готов что-то найти. Кого ты следующего пригреешь? Гадюку?

— Рафинированную Аору ничто кроме дракона и единорога не устраивает. . .

— А что гадюка, — заметил Румата. — Есть у неё что-то общее с нами. Её тоже все боятся. Единственное, в чем ей не повезло — нападает снизу, а не сверху. Поэтому ей часто копытом на голову наступают.

Оглавление

Глава I	Яна	2
Глава II	Зем без змея	7
Глава III	Драконы по имени Румата и Бригита	12
Глава IV	Рог дохлого единорога	19
Глава V	Ртша и Всеслав	23
Глава VI	Драконоборец Путята	29
Глава VII	Книжий двор	32
Глава VIII	Кубавый пир	36
Глава IX	Охотромысл Кулижский	40
Глава X	Юслы Империи	45
Глава XI	Ахронизмы	50
Глава XII	Брианный полет	54
Глава XIII	Помещенный	57
Глава XIV	Отнимай у тигрицы тигренка, а у женщины	64
Глава XV	Крмса	69